

© 2019 г.

И. С. РЫБАЧЁНОК

РОССИЯ И ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МИРА 1907 года В ГААГЕ

Рыбачёнок Ирина Сергеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640003809-7

Вторая конференция мира в Гааге, состоявшаяся в июне — октябре 1907 г., была важным событием и во внешней политике России, и в международных отношениях. Она проходила в иной, по сравнению с Первой конференцией 1899 г., политической обстановке в мире — после Англо-бурской 1899—1902 гг. и Русско-японской 1904—1905 гг. войн. Это во многом наложило отпечаток на специфику обсуждавшихся на ней проблем. На рубеже XIX—XX вв. международные отношения приобрели характер неустойчивого равновесия. Происходила постепенная трансформация сложившейся в Европе системы союзов держав — Тройственного (Германии, Австро-Венгрии и Италии) и Двойственного (России и Франции) — в противостоящие блоки держав. Англия, отказавшись от политики «блестящей изоляции», заключила союз с Японией.

Вехами на этом пути стал ряд дипломатических договоренностей. Осенью 1903 г. сорвалась попытка Англии сговориться с Россией о разделе сфер влияния в Персии. В то время Лондон рассчитывал расстроить франко-русский союз, а чуть позже — столкнуть Россию с Японией на Дальнем Востоке. По условиям соглашения, подписанного весной 1904 г., Франция отказывалась от притязаний в Египте в обмен на обещание со стороны Англии не препятствовать ее проникновению в Марокко. Это свидетельствовало не только о размежевании колониальных притязаний двух держав, но и о создании ими совместного барьера на пути проникновения Германии в Северную Африку. Альхесирасская конференция 1906 г., завершившая первый марокканский кризис, выявила новое соотношение сил. Вильгельм II надеялся подорвать англо-французскую антанту, опираясь на Бьёркский договор, подписанный с Николаем II в 1905 г. в разгар Русско-японской войны, но его крушение, окончание войны и финансовый нажим Парижа вынудили Петербург выступить в Альхесирассе единым фронтом с Францией и Англией против Германии.

Грандиозный проект строительства Багдадской железной дороги продемонстрировал намерение Германии переделит сферу влияния на Ближнем Востоке и ставил в иную плоскость проблему союзов в Европе. В результате поражения в войне с Японией позиции России на международной арене существенно ослабли, что вынудило ее, с одной стороны, заключить соглашение с Англией в августе 1907 г., ограничив свою сферу влияния северными районами Персии и отказавшись от прямых сношений с Афганистаном, а с другой — пойти на уступки Японии в Маньчжурии и в Корее. К началу XX в. на короткий период сложилась общая заинтересованность держав в сохранении мира в целом, поскольку пока удавалось находить более или менее приемлемые для всех решения локальных конфликтов. Вместе с тем нарастали экспансионистские устремления великих держав в борьбе за передел мира, и расширялся их круг. В число «великих» стремились попасть и сравнительно «молодые» претенденты — США и Япония.

Все державы усиленно наращивали свой военный потенциал, обращая главное внимание на создание мощного военно-морского флота. Не случайно конец

XIX — начало XX в. называют «эпохой маринизма» — это было время зарождения и господства теорий морской мощи А. Т. Мэхена и Ф. Колумба. В правящих верхах Лондона и Берлина, Парижа и Петербурга, Вашингтона и Токио верили, что большой военный флот — непрменный атрибут великой державы, без которого невозможна эффективная политика. Семимильными шагами в этом направлении двигалась Германия: принятая в 1898 г. программа строительства океанского флота, символизировала ее переход к мировой политике, что бросало вызов «владычице морей» — Британии.

Стремительный прогресс в военном судостроении требовал колоссальных расходов. Увеличение тоннажа кораблей нового типа, оснащение их артиллерийскими орудиями больших калибров и защита мощной броней многократно увеличивали затраты на строительство и содержание флота. Гонка военно-морских вооружений, став постоянным фактором в мировой политике, затрагивала интересы громадных масс населения и ложилась тяжелым бременем на бюджеты всех стран. Обсуждавшаяся в коридорах власти и в общественных кругах полемика по этим вопросам выплеснулась на страницы мировой периодической печати.

В англо-германском морском соперничестве отчетливо выявились глобальные политические цели этих держав. Специфика развития каждой из них определялась рядом факторов, в том числе разным геополитическим положением, особенностями экономической политики, темпами модернизации. Позже Великобритании вступившая на путь колониальной экспансии Германия, опираясь на торговую, промышленную и финансовую мощь, стремительно завоевывала «место под солнцем» на Дальнем и Ближнем Востоке, на Балканах и в Африке. Все это в совокупности создавало угрозу разветвленным по всему миру интересам обширной и богатейшей Британской империи¹. Антагонизм между этими державами постепенно становился фокусом международных противоречий.

С другой стороны, на фоне нарастания международных противоречий после проведения Первой конференции мира 1899 г. в Гааге значительно активизировалась деятельность различных пацифистских организаций и движений. Хотя термин появился лишь в начале XX в., само движение к этому времени имело долгую историю². На X Всеобщем конгрессе мира в Глазго в 1901 г. участники выступили за введение понятия пацифист и пацифизм. Дискуссия выявила наличие в движении различных идеологических тенденций и целей. В работе пацифистских организаций активно участвовали парламентарии разных стран³. На проходившей в июне 1889 г. в Париже конференции 94 парламентария из девяти стран приняли решение о превращении ее в «Международный парламентский союз ради международного арбитража». В выработанном документе правительствам всех стран предлагалось заключить соглашение о решении спорных вопросов путем арбитража, не наносившего ущерба независимости государств и исключавшего вмешательство во внутренние дела. С 1899 г. организация официально именовалась Межпарламентским союзом, ее штаб-квартира с 1892 г. размещалась в Берне, в 1911 г. была перенесена в Брюссель.

В декабре 1891 г. в Берне было открыто постоянное Международное бюро мира (МБМ), получившее в Швейцарии статут международного юридического лица и субсидии от ее правительства. МБМ информировало ассоциации и отдельных лиц по вопросам пропаганды мира; разрабатывало повестку дня конгрессов и конференций; хранило архивы и создало специализированную библиотеку. Друзья мира

¹ См. *Kennedy P.* The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860—1914. London, 1980; *Сергеев Е. Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897—1903. М., 1998; *Романова Е. В.* Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1895—1914. М., 2008, и др.

² См. *Гросси В.* Пацифизм: долгий путь к созданию доктрины (1867—1902). — Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М., 1998.

³ О пацифистском движении см. статьи Л. З. Слонимского. — Вестник Европы, 1911, № 12; 1913, № 8.

собирались на съезды⁴. Пресса часто уподобляла пацифистов «анархистам», «людям без родины», «революционерам» и «антипатриотам, а сами они отмежевывались от таких обвинений. Известный французский юрист-международник Д'Эстурнель де Констан утверждал в 1914 г.: «Я имею право и даже обязан предостеречь правительства и народы против неожиданности войны, так как в наше время война вспыхивает не потому, что ее хотят; она раздражается случайно, из-за неосторожности, из-за глупости; и наши дети и в Германии, и во Франции станут жертвами, несомненно героическими, но жертвами этой глупости». Двойственный характер пацифистской доктрины проявлялся в противоречии между теорией, восхвалявшей обращение в случае конфликта к арбитражу и Международному трибуналу в Гааге, и защитой пацифистами «законных» национальных интересов их собственных государств.

В такой противоречивой обстановке и собралась в Гааге Вторая конференция мира. В отличие от Первой она привлекала внимание современников, а позже и историков гораздо меньше. Конвенции, выработанные и отчасти принятые на конференции, опубликованы⁵. Сравнительно немногочисленны мемуарные источники — свидетельства современников международного форума⁶. Материалы прессы о Второй конференции дают яркое представление об отношении современников к ней и нуждаются в специальном изучении, как и ее история в целом, до сих пор не исследованная. Ее историография невелика⁷, и о проведении конференции не упоминается в классической науке «История дипломатии» под редакцией академика В. М. Хвостова. Вместе с тем в отечественных архивах хранятся значительные по объему делопроизводственные и эпистолярные материалы, освещающие истоки ее замысла и подготовительных этапов. Эти источники введены в научный оборот лишь в незначительной степени.

В истории конференции отчетливо просматривается несколько этапов, разных по протяженности, содержанию, насыщенности событиями, происходившими на авансцене и за кулисами, наконец, по результатам. Первый этап, начавшийся в сентябре 1904 г. с инициативы американского президента Т. Рузвельта⁸, задумавшего пригласить державы на новую мирную конференцию, закончился в январе

⁴ О съездах обществ мира см. статьи Л. А. Камаровского. — Русский мир, 1902, № 4; 1903, № 2; 1906, № 1; *Ефремов И. Н.* Общества мира. М., 1911.

⁵ См.: Вторая конференция мира 1907 года. СПб., 1908; *Barbosa R.* Segunda Conferência da Paz, actas e discursos. Rio de Janeiro, 1966; The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907 and International Arbitration. — Reports and Documents. The Hague, 2001.

⁶ См.: *Tardieu A.* La Conférence de la Haye. — Revue de deux Mondes, 1907, 15 juin; *Renault L.* L'Oeuvre de La Haye en 1899 et en 1907— conférence faite a l'Institut Nobel a Kristiania le 18 mai 1908. Stockholm Impremérie Royale, 1908; *Овчинников И.* Вторая Гаагская конференция мира. — Морской сборник, 1908, т. 344, № 1; *Нольде Б. Э.* Вторая конференция мира. Очерк. — Вестник Европы, т. II. СПб., 1908; *Scott J. B.* The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907 a series of lectures delivered before the Johns Hopkins University in the year 1908. Baltimore, 1909; *Wehberg H.* Friedrich v. Martens und die Haager Friedens konferenzen. — Zeitschrift Internationales Recht, Bd. XX. Düsseldorf, 1910; *Tcharykoff N. V.* Glimpses of High Politics. London, 1931.

⁷ *Таубе М. А. Ф. Ф.* Мартенс (1845—1909). Некролог. СПб., 1909; *Пустогаров В. В.* «...С пальмовой ветвью мира». Ф. Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. М., 1993; *Крылов С. Б.* Ученый, юрист, дипломат. — Московский журнал международного права, 1996, № 1; *Мартынов Б. Ф.* «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко — великий дипломат Латинской Америки, гл. 2. М., 2004; *Cardim C. H.* A raiz das coisas Rui Barbosa: o Brasil no mundo, pt. IV. Rio de Janeiro, 2007; *Чернов О. А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова. Самара, 2010; *Лунева Ю.* За кулисами Гаагских мирных конференций. — Международная жизнь. История без купюр. М., 2011; *Рыбачёнок И. С.* Подготовка России ко Второй конференции мира 1907 г. в Гааге: согласование позиций. — Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов V Всероссийской научной конференции 27 апреля 2018 г. Самара, 2018; *ее же.* Заграничное турне профессора Ф. Ф. Мартенса. — Вопросы истории, 2018, № 8.

⁸ Ю. В. Лунева не точно датирует начало инициативы 9(22) октября 1904 г. — рассылкой циркуляра Д. Хэя. См.: *Лунева Ю. В.* Указ. соч., с. 169.

1905 г. после отклонения Петербургом предложения Вашингтона. На втором этапе, с февраля по декабрь 1905 г., в недрах российского МИД неспешно и без огласки велась подготовка к будущему форуму, завершившаяся составлением первого циркулярного обращения к державам с предложением собраться на Вторую конференцию мира и, после получения их положительных ответов, выработкой первого варианта программы. Основным содержанием этих двух этапов истории международного форума стала борьба за инициативу его созыва и проведения.

В ходе третьего этапа, с января по июль 1906 г., в Петербурге состоялся ряд внутриведомственных и междуведомственных совещаний, где согласовывались подходы к спорным вопросам, которые выносились на обсуждение, и был выработан второй циркуляр державам. Переписка с дипломатическими представителями России за границей позволила МИД выяснить позиции держав и получить их официальное согласие участвовать в международном форуме. Однако его открытие отсрочили до лета следующего года.

Содержанием четвертого этапа, с августа 1906 г. по май 1907 г., стало уточнение позиций великих держав, в том числе в ходе турне по европейским столицам неперменного члена Совета российского МИД профессора международного права Ф. Ф. Мартенса. В итоге программу конференции скорректировали, выработали текст третьего циркуляра державам, провели техническую подготовку заседаний по согласованию с правительством Нидерландов. Пятый этап, со 2 (15) июня по 5 (18) октября 1907 г., — заседания конференции в Гааге. Основное внимание участников сосредоточилось на вопросах международного права, и большинство выработанных актов имели отношение к войне на море, что вовсе не случайно. В то время морское международное право находилось в хаотическом состоянии, поскольку Парижская декларация 1856 г. определяла лишь некоторые правила морской войны, и многие ее аспекты оставались нерегламентированными.

БОРЬБА ЗА ИНИЦИАТИВУ ПРОВЕДЕНИЯ ФОРУМА

О намерении созвать конференцию мира заявил президент Соединенных Штатов Северной Америки Теодор Рузвельт в разгар Русско-японской войны 1904—1905 гг. Информацию об этом российский МИД получил из телеграммы посланника в Вашингтоне графа А. П. Кассини от 18 сентября (1 октября) 1904 г. По его словам, «президент хотел увеличить свою популярность в стране и этим подкрепить свое переизбрание»⁹. Помета «Конечно!», сделанная министром иностранных дел графом В. Н. Ламздорфом, свидетельствовала о его согласии с мнением коллеги. Позже выяснились подробности возникновения инициативы. По словам Кассини, очередной съезд Межпарламентского союза в Сент-Луисе предложил правительствам провести новую мирную конференцию, чтобы обсудить договоры об арбитраже и высказаться в пользу учреждения периодического международного конгресса для решения важных мировых проблем. После закрытия съезда делегаты были 11 (24) сентября приняты в Вашингтоне Рузвельтом, поддержавшим их намерение.

Позиция президента поначалу вызвала большой восторг и шум в прессе, который вскоре, однако, утих. Рузвельт хотел «скрыть свой истинный характер и, воспользовавшись случаем, выставить себя поборником мира», полагал Кассини. Но поскольку в то время американцы, отказавшись от третейского суда, самым произвольным образом расправлялись с Панамой, федеральное правительство не станет поднимать вопросы о мире и арбитраже, полагал российский посланник¹⁰.

На берегах Невы замысел созвать конференцию в данных условиях сочли «совершенно несвоевременным», о чем министр 20 сентября (2 октября) информиро-

⁹ Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее — АВПРИ), ф. 151, оп. 482, д. 4889, л. 1.

¹⁰ Там же, д. 4888, л. 3—3об.

вал посланника. Против этих слов Николай II написал: «Конечно»¹¹. Но Кассини ошибся в том, что дело дальше не пойдет. 8 (21) октября 1904 г. он сообщил, что госсекретарь Д. Хэй по решению совета министров намерен отправить циркуляр американским дипломатическим представителям за рубежом, предлагая выяснить мнение иностранных правительств о созыве Второй мирной конференции¹².

В циркуляре, который в Петербурге получили 3 (16) ноября, содержалось напоминание о проблемах, неразрешенных на Первой конференции, и обозначались полезные, с американской точки зрения, для изучения на будущей, в том числе: права и обязанности нейтральных держав; неприкосновенность частной собственности на море во время войны; бомбардировка портов, городов и поселений. Тем самым давался как бы предварительный набросок программы конференции, но не закрывалась возможность ставить и обсуждать другие специальные вопросы. Хэй подчеркнул: призывая собраться на форум, Рузвельт учел, что делает это в разгар Русско-японской войны, но этот факт «не мог замедлить усилий, которые до настоящего времени с таким успехом пытались делать нации, чтобы установить правила, способные уменьшить возможность войны между ними в будущем»¹³. К тому же американский поверенный в делах в Петербурге напомнил, что Россия приглашала державы на Первую конференцию мира в то время, когда шла Испано-американская война¹⁴.

Со своей стороны, Петербург поручил представителям России в Париже, Риме, Лондоне, Берлине, Вене, Мадриде, Гааге и Брюсселе осведомиться об отношении к проекту Вашингтона, подчеркнув его крайнюю неуместность в условиях войны с Японией¹⁵. Весьма осторожные ответы дипломатов сводились к тому, что проводить форум возможно лишь при единогласии всех держав, а без России он потеряет всякое значение¹⁶.

Поскольку, по информации Кассини, европейские государства отнесутся к американскому замыслу сочувственно, в Петербурге облекли отказ в мягкую форму, чтобы не оскорбить президента и американский народ. «Резкий отрицательный ответ России мог бы быть истолкован как открытое уклонение ее от тех высокогуманных начал ...которые положены были в основу Первой конференции мира», — утверждал Ламздорф 9 (22) октября¹⁷. Другой, не менее важной с точки зрения Петербурга, причиной отказа было стремление сохранить право созыва новой конференции за собой. Николай II 29 октября (11 ноября) 1904 г. одобрил всеподданнейший доклад по этому вопросу¹⁸, и МИД поручил Кассини в дружеской форме заявить Вашингтону, что «Россия, в полной мере сочувствуя мысли о дальнейшем развитии трудов инициированной ею Гаагской конференции 1899 г., в удобную минуту готова взять на себя почин в созыве новой, но затрудняется обсуждать эти вопросы до окончания военных действий с Японией»¹⁹.

Последний тезис негативно восприняли в Вашингтоне, сославшись на то, что циркуляр о Первой конференции Петербург обнародовал тогда, когда шла Испано-американская война. На Певческом мосту обоснованно сочли аргумент юридически ничтожным. Сопоставив даты двух обращений России к державам и официального приглашения на конференцию с датами капитуляции Сантьяго, сообщения Испании (при посредничестве Франции) о желании вступить в переговоры, заключения

¹¹ Там же, л. 6.

¹² Там же, л. 11.

¹³ Там же, л. 43а—44об.

¹⁴ Там же, л. 42—42об.

¹⁵ Там же, д. 4889, л. 3об.

¹⁶ Там же, л. 4об., 5об., 7об., 8.

¹⁷ Там же, л. 13—13об.

¹⁸ Там же, л. 15—16.

¹⁹ Там же, л. 22об.

прелиминарного соглашения и подписания мирного договора, Ламздорф наглядно показал, что претензии американцев совершенно не обоснованы²⁰.

3 (16) ноября 1904 г. в газете «Новое время» появилась заметка на эту тему. В ней отмечалось, что русский циркуляр от 12 (24) августа 1898 г. иностранным представителям в Петербурге передали, когда испано-американские переговоры вступили в решающую фазу, а циркуляр 30 декабря 1898 г. (11 января 1899 г.) разослали на следующий день после подписания в Париже мирного договора между Вашингтоном и Мадридом. «Из этого видно, — говорилось в заключение, — что проводить параллель между нынешним положением воюющих сторон и тем, которое существовало в 1898 г., невозможно»²¹. Вырезка из газеты сохранилась в фонде «Политархив», где концентрировались материалы по подготовке Второй конференции мира, в том числе и составленная Ламздорфом памятная записка²². Совершенно очевидно, что заметку инспирировал российский МИД для осведомления общественности в стране и за рубежом.

19 ноября (2 декабря) Кассини сообщил, что Хэй высоко оценил дружеский тон и «признал справедливость аргументации»²³. Вместе с тем Вашингтон не отказался от замысла. 24 декабря 1904 г. (6 января 1905 г.) американский поверенный в делах вручил Ламздорфу копию циркулярного письма Госдепартамента американским представителям, аккредитованным при державах, подписавших акты конференции 1899 г.²⁴ В этом документе, датированном 29 ноября (12 декабря) 1904 г., Хэй напомнил о циркуляре от 8 (21) октября и о сочувствии держав замыслу. Госсекретарь подчеркнул, что, хотя ответ Петербурга задержит созыв конференции, будущие участники могли бы обдумать ее программу. Задачу сформулировать ее и руководить обменом мнений предлагалось переложить на плечи совета Постоянной палаты третейского суда в Гааге, созданного в соответствии с Конвенцией о мирном решении международных столкновений, принятой на Первой конференции. Такой подход в Петербурге сочли неправомерным — Мартенс обоснованно утверждал, что организация подобных обменов мнений не входит в компетенцию палаты, а посланник в Гааге Н. В. Чарыков писал, что «Совет ...не только не склонен, но и положительно не способен заняться выработкой программы Второй конференции»²⁵.

Так закончился первый этап подготовки форума. После американского импульса российский МИД счел целесообразным наблюдать за ходом международного движения в пользу мира. В инструкции Чарыкову 28 апреля (11 мая) 1905 г. Ламздорф подчеркнул христианский и вполне национальный характер идеи и необходимость сохранить руководящую роль России в ее развитии в нужном русле. Это было важно в связи с обнаружившимся на Западе в среде масонства стремлением «извратить истинный замысел Гаагских конвенций» и воспользоваться ими как средством для «осуществления идей радикального космополитизма». Противодействовать торжеству таких замыслов в здании у Певческого моста считали возможным при двух условиях: во-первых, «лишь идя впереди движения, можно руководить им и направлять его сообразно со своими интересами»; во-вторых, «брать на себя инициативу можно лишь при безусловной уверенности в ее успехе»²⁶.

Поэтому в МИД начали соответствующую подготовку. Основные положения, которых следовало придерживаться, Ламздорф изложил 6 (19) мая 1905 г. во всеподданнейшей записке. Он полагал, что, во-первых, выгоднее отложить созыв форума на возможно длительный срок; во-вторых, не дать Вашингтону перехватить иници-

²⁰ Там же, д. 4888, л. 56—56а.

²¹ Новое время, 3(16).XI.1904.

²² АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 4888, л. 59.

²³ Там же, д. 4889, л. 23.

²⁴ Там же, д. 4888, л. 81, 82—84 (текст на англ. яз.); л. 85—86об. (перевод на рус. яз.).

²⁵ Там же, д. 4890, л. 15.

²⁶ Там же, д. 4891, л. 2—12об.

ативу и подорвать престиж России; в-третьих, заранее выработать программу. После одобрения царя в МИД образовали особый отдел для составления программы и координации действий с министерствами военным, морским, финансов, юстиции, Управлением торгового мореплавания и портов и Российским обществом Красного Креста. Работы предстояло вести с соблюдением строжайшей тайны²⁷.

Дипломатическим представителям России за рубежом поручили собирать информацию о тех проблемах, которые могут быть затронуты на конференции. 4 (17) июля Чарыков констатировал: «По существу, военно-морские события новейшего времени возбудили во многих кругах убеждение в желательности и даже необходимости общего, заблаговременного обсуждения целого ряда практических вопросов, не входивших до сих пор в область договорного международного права». Он также сообщил о положительном отношении нидерландского правительства к проведению конференции в Гааге²⁸. После заключения Портсмутского мира Петербург считал момент подходящим для созыва форума. К тому же поступила информация, будто Рузвельт готов снова выступить с такой инициативой. 25 августа (7 сентября) 1905 г. Чарыков телеграфировал: если сведения верны, «то при дальнейшем сохранении в тайне наших намерений от нидерландского правительства и Рузвельта надлежит ожидать, что эта конференция соберется по американскому предложению»²⁹.

На следующий день Ламздорф уполномочил российского посла в Вашингтоне барона Р. Р. Розена сделать Рузвельту следующее сообщение: «Ввиду последовавшего благодаря энергическим усилиям президента прекращения войны и заключения мира между Россией и Японией, государь император, как инициатор международной мирной конференции 1899 г., находит, что ныне настала благоприятная минута для дальнейшего развития и приведения в систему трудов этого мирного собрания»³⁰. Правительство Соединенных Штатов приглашали принять участие в конференции в Гааге после получения благоприятных ответов от всех остальных держав и извещали о готовности России представить программу, которая послужит исходной точкой занятий высокого собрания.

ВЫРАБОТКА ПРОГРАММЫ КОНФЕРЕНЦИИ

На всеподданнейшей записке Ламздорфа по этому вопросу от 26 августа (8 сентября) 1905 г. Николай II начертал: «Нужно, чтобы в предложении нашем было вполне ясно всем державам, что Россия желает поставить на обсуждение и разрешении те вопросы, которые выдвинула последняя война (подчеркнуто в документе. — *И. Р.*), а не какие-то утопии вроде полного разоружения, что, однако, случилось с Первой Гаагской конференцией»³¹. Эта резолюция во многом определила направление и ход подготовительных работ в МИД. К тому же 29 августа (10 сентября) 1905 г. Чарыков доложил о результатах наблюдений за настроением в Европе после окончания Русско-японской войны и формулированием тех вопросов, по которым различные общественные организации и частные лица считали желательным заключить новое международное соглашение.

Среди них посланник отметил: введение запрета на захват воюющими сторонами почтовых и пассажирских пароходов и конфискацию почты на нейтральных судах; запрет перевозки контрабанды с определением ее состава; отказ от потопления призовых судов; защиту прав воюющих сторон в нейтральных гаванях; выработку решения о замене на кораблях в военное время коммерческого флага военным; вопрос о 24-часовом сроке пребывания военных судов воюющих сторон в ней-

²⁷ Там же, л. 13—18, 19—20.

²⁸ Там же, д. 4890, л. 2—5.

²⁹ Там же, л. 8.

³⁰ Там же, д. 5036, л. 3—4.

³¹ Там же, д. 4890, л. 23.

тральных гаванях; запрет использования плавучих мин. Таким образом, проблемы морского международного права выходили на первый план повестки дня будущего форума. Чарыков, напомнив, что, приглашая державы на Первую конференцию, Петербург перечислил основные пункты ее программы, предлагал таким же способом «обеспечить рассмотрение конференцией тех вопросов, которые нас особенно интересуют, и, может быть, предотвратить обсуждение тех, которые являются для нас нежелательными»³².

В августе же Чарыков сообщил министру иностранных дел Нидерландов Д.-А. ван Тетсу ван Гудриану о намерении России пригласить всех участников Первой конференции на новую для дальнейшей разработки вопросов, обсуждавшихся в 1899 г. Королева Вильгельмина и нидерландское правительство с признательностью приняли предложение вновь сделать Гаагу местом проведения форума.

31 августа (13 сентября) Розен доложил о полном сочувствии президента почину России, и таким образом вопрос об инициаторе снимался. Но официальный ответ Рузвельт обещал дать после вступления в должность нового статс-секретаря³³. Резолюция царя и информация Чарыкова задали импульс дальнейшей деятельности российских дипломатов. 8 (21) сентября 1905 г. Петербург направил державам первый циркуляр с приглашением на конференцию и выразил готовность после получения положительных откликов представить программу³⁴.

Положительные ответы поступили в МИД в сентябре — октябре 1905 г.³⁵, но в них наметился круг дополнительных острых проблем. Так, Дания напомнила о спорных вопросах, возникших во время Русско-японской войны при проходе русских кораблей через датские проливы, что вызвало протесты Японии; Нидерланды считали целесообразным участие в международном форуме представителя Святого Престола, против чего возражала Италия; Турция отказывалась обсуждать вопросы, могущие затронуть ее независимость, и т.д.³⁶

Сложности возникли и с утверждением состава участников. В Петербурге решили пригласить все независимые государства, чего не хотели в Вашингтоне. В итоге по сравнению с Первой конференцией, в которой участвовало 27 держав, во Второй их количество возросло почти вдвое³⁷. В число приглашенных вошли: Германия, Соединенные Штаты Америки, Аргентина, Австро-Венгрия, Бельгия, Боливия, Бразилия, Болгария, Чили, Китай, Колумбия, Корея, Коста-Рика, Куба, Дания, Доминиканская республика, Эквадор, Испания, Эфиопия, Франция, Великобритания, Греция, Гватемала, Гаити, Гондурас, Италия, Япония, Люксембург, Мексика, Черногория, Никарагуа, Норвегия, Панама, Парагвай, Нидерланды, Перу, Персия, Португалия, Румыния, Сальвадор, Сербия, Сиа́м, Швеция, Швейцария, Турция, Уругвай, Венесуэла, Болгария³⁸.

Камнем преткновения стал вопрос о присутствии на форуме представителя Святого Престола. При подготовке Первой конференции представитель папы не был приглашен из-за противодействия правительства Италии. Позиция Квиринала не изменилась и в 1905 г., хотя премьер-министр Т. Титтони был менее категоричен, чем его предшественник на этом посту адмирал Каневаро. Поэтому, несмотря на настояния нидерландского правительства, заинтересованного в том, чтобы не обострять отношений с католиками и не провоцировать внутривосточные осложнения, Петербург искал способ, не обидев папу, исключить участие его представителя на предстоящей конференции.

³² Там же, л. 12—15.

³³ Там же, л. 28—28об.

³⁴ Там же, д. 4892, л. 4—4об.

³⁵ Там же, д. 4893, л. 2—9.

³⁶ Там же, л. 57—58, 123—125, 166—166об.

³⁷ Там же, д. 5036, л. 2об.

³⁸ Там же, д. 4892, л. 12—13. Государства перечислены в порядке французского алфавита.

Во всеподданнейшей записке от 22 сентября (5 октября) Ламздорф доложил о получении положительных ответов большинства держав и о необходимости для уточнения программы конференции выяснить мнения других министерств³⁹. Одобрение царя было получено, и работа закипела. 24 сентября (7 октября) Ламздорф попросил коллег сообщить отзывы о проекте, выработанном в МИД, и предложения о вопросах, важных с точки зрения этих ведомств⁴⁰.

Полученные отклики выявили разные позиции ведомств. Морской министр А. А. Бирилёв полагал, что в программу «должны войти наиболее глужие и сложные вопросы морского международного права»⁴¹. Они в значительной степени были обозначены в заключительном акте Первой конференции, а также перечислялись в депеше Чарыкова как пожелания, сложившиеся в европейском общественном мнении. С точки зрения Морского ведомства, запрет бомбардировки портов, городов и селений может касаться только неукрепленных мест; признание неприкосновенности частной собственности на море «до крайности противоречит русским морским интересам» и «равносильно полному отказу от крейсерских операций», которые являлись могущественным средством борьбы с любой державой, обладающей значительным торговым флотом. Поэтому, полагал министр, России необходимо сохранение принцип захвата неприятельских торговых судов в возможно полном объеме.

Пункт о правах и обязанностях нейтральных государств предлагалось формулировать с учетом разного его значение для тех случаев, когда Россия сама нейтральна и когда она ведет военные действия. Установление строгого понимания нейтралитета во время войны для нее невыгодно из-за отсутствия угольных и иных станций на океанах. Поэтому министр предлагал поставить несколько частных вопросов — о военной контрабанде, о потоплении призов, об ослаблении «кошмарного для русского флота правила о 24-часовом сроке пребывания военных судов воюющих держав в портах нейтральных». Кроме того, следовало рассмотреть вопросы: о запрете плавучих мин; устройстве минного заграждения только в пределах территориальных вод воюющих; об определенном списке предметов военной контрабанды.

Начальник Главного штаба генерал Ф. Ф. Палицын предложил до сообщения русской программы державам провести междуведомственное совещание. Полностью поддержав замысел — ограничить дискуссии вопросами, выдвинутыми последней войной, Палицын считал желательным обсудить такие положения, которые сделали бы возникновение войны более затруднительным. Например, не начинать военных действий до формального объявления войны и предлагал распространить на войну морскую условия Женевской конвенции о больных и раненых. Но главное, военное министерство считало невозможным идти так далеко, как на Первой конференции: речь шла о полном отказе рассматривать вопрос об ограничении вооружений⁴².

Министр юстиции С. С. Манухин обращал внимание на международно-правовые вопросы. Наиболее действенный способ мирного разрешения конфликтов между державами правовед видел в обращении спорящих к третейскому суду. Поэтому, считал он, нужно усовершенствовать приемы и формы деятельности Постоянной палаты третейского суда в Гааге, включив обсуждение этих вопросов в программу конференции⁴³.

По мнению министра финансов И. П. Шипова, желательно развить и дополнить акты 1899 г.: о законах и обычаях сухопутной войны; об охране частной собственности на занятой неприятелем территории; о праве военной власти облагать налогом население занятой территории; о захвате на море неприятельской частной собственности и урегулирования перечня предметов военной контрабанды, а также

³⁹ Там же, д. 5036, л. 8—9.

⁴⁰ Там же, д. 4920, л. 2—3.

⁴¹ Там же, д. 4924, л. 48—55.

⁴² Там же, л. 45—47об.

⁴³ Там же, л. 34—38об.

рассмотреть вопрос о праве воюющих в открытых морях использовать плавучие мины⁴⁴.

По мнению Ламздорфа, следовало обсудить различные мнения и «выработать на междуправительственном совещании один общий взгляд императорского правительства ... дабы затем единодушно поддерживать его на конференции». В МИД учитывали и информацию о тех проблемах, которые обсуждались в правительственных кругах и прессе Нидерландов в связи с программой конференции. Так, Чарыков 16 (28) декабря 1905 г. сообщил, что второстепенные государства хотели бы ограничить использование плавучих мин, различать правительственную и частную деятельность нейтральных держав и не запрещать снабжать каменным углем суда воюющих в нейтральных портах, что выгодно лишь «хитрым британцам»⁴⁵.

Первый проект программы конференции, датированный 21 декабря 1905 г. (3 января 1906 г.), подготовили с учетом пожеланий ведомств⁴⁶. Тогда же Чарыков составил подробную объяснительную записку, в которой анализировал целесообразность включать в повестку дня те или иные пункты для обсуждения⁴⁷. Вопрос усовершенствования конвенции о мирном решении международных соглашений, по мнению Чарыкова, вызовет острую полемику (имевшую место на Первой конференции) об обязательном международном арбитраже. Поэтому он предлагал в тексте циркуляра о программе лишь сочувственно упомянуть о конвенции 1899 г. без обязательства ее обсуждения, дополнения или пересмотра. Другой вопрос — о правах и обязанностях нейтральных держав, следовало включить в программу, разработав обязательный международный кодекс их применения. Детальной регламентации нужно было подвергнуть законы и обычаи морской войны, включая вопрос о неприкосновенности частной собственности на море, для России неудобный, но не включать который было невозможно из-за настояний Англии.

Мартенс, ему на экспертизу отправили проект программы, предлагал проводить пересмотр постановлений Женевской конвенции 1864 г. о больных и раненых воинах на отдельной конференции, которая прошла бы параллельно с собранием в Гааге⁴⁸. Пересмотр конвенции 1899 г. о мирном разрешении международных столкновений он считал самой важной и самой благородной задачей, поэтому исключение из программы конференции «обсуждения арбитражной конвенции было бы актом самоубийства»⁴⁹. Некоторые из замечаний Мартенса руководство МИД учло.

Тем временем в МИД подбирали кандидатуру председателя будущего форума — крайне важно, чтобы им стал, как и в 1899 г., первый уполномоченный от России. Николай II предложил возложить эту почетную обязанность на барона Е. Е. Стааля, тогда успешно исполнившего ее, но преклонный возраст и болезненное состояние вынудили его отказаться. Выбор пал на посла в Париже А. И. Нелидова — опытного и прекрасно знающего свое ремесло дипломата. В письме на его имя от 11(24) ноября 1905 г. Ламздорф обозначил трудности предстоящей задачи: согласовать многообразные интересы держав, которые проявятся в ходе дискуссий, удержать обсуждение в русле идей, сформулированных Россией, и, наконец, довести работу конференции до практических результатов⁵⁰.

Таким образом, в ходе первых двух этапов подготовки форума Петербург решил свои основные задачи: не дал Вашингтону перехватить инициативу его союзу и сформулировал программу занятий высокого собрания с учетом собственных интересов.

⁴⁴ Там же, л. 23—26.

⁴⁵ Там же, д. 4929, л. 1—3.

⁴⁶ Там же, д. 4925, л. 30—33 — с правкой, 12—15об. — чистовик.

⁴⁷ Там же, л. 48—62.

⁴⁸ Там же, л. 63—63об.

⁴⁹ Там же, л. 87—92.

⁵⁰ Там же, д. 4895, л. 2—3.

СОГЛАСОВАНИЕ ПОЗИЦИЙ

4 (17) января 1906 г. Ламздорф разослал главам сопредельных ведомств проект выработанной в МИД программы предстоящего форума с разъяснением причин отсутствия некоторых пунктов. Так, не были исключены вопросы: о неприкосновенности частной собственности на море, о правах и обязанностях нейтральных держав и о пересмотре Женевской конвенции до возврата японцами русских госпитальных судов, на чем настаивали моряки⁵¹. Глава Министерства торговли и промышленности В. И. Тимирязев 6 (19) января высказался против предъявления протеста японцам. Ратуя за развитие русского торгового флота, могущего стать основой возрождения флота военного, министр активно возражал против каперства, поскольку «держава, стремящаяся воскресить устаревшее право захвата частной собственности на море ... всегда будет встречать резкое противодействие со стороны всех культурных стран»⁵². Позже Ламздорф писал Нелидову, что обсуждению вопроса о частной собственности на море в любом случае не удастся воспрепятствовать, поскольку «американцы поставили бы его условием *sine qua non* для созыва самой конференции»⁵³.

Бирилёв в письме 12 (25) января обращал внимание МИД на то, что для России, не имеющей колоний, в отличие от Англии, Германии и Соединенных Штатов, «всякие... строгости, принимаемые в нейтральных портах по отношению к судам воюющих, окажутся чрезвычайно стеснительными». Кроме того, он призвал исключить из программы вопрос об учреждении призовых судов⁵⁴. 19 января (1 февраля) Ламздорф убедил Бирилёва в нецелесообразности предъявлять претензии японцам до начала заседаний, чтобы не скомпрометировать успех всей конференции⁵⁵. В целом согласившись с проектом программы, Бирилёв по-прежнему возражал, чтобы воюющие государства обращались в Гаагский трибунал по поводу взаимных нарушений⁵⁶.

Как обычно бывает в России, разногласия оказались такова, что Ламздорф во всеподданнейшей записке от 16 (29) января предложил выработать на междуправительственном совещании общий взгляд правительства на все вопросы программы, дабы затем единодушно поддерживать его на конференции. В циркулярном письме коллегам 19 января (1 февраля) 1906 г. министр подчеркнул затруднительность согласовать такой документ, поскольку «одни ведомства возражали против таких пунктов, которые другим представлялись вполне приемлемыми»⁵⁷. Поэтому Ламздорф предложил вручить иностранным правительствам циркулярную ноту с проектом приемлемой для всех программы, исключив из нее положение о сокращении вооружений. Общая форма документа позволяла другим участникам «внести на обсуждение конференции некоторые частные вопросы, точно не указанные в программе, но входящие в содержание главных намеченных в ней пунктов»⁵⁸. МИД сообщил циркуляр также и российским представителям за границей.

Междуправительственное совещание для согласования проекта программы состоялось 8 (21) марта 1906 г., и на нем представители морского ведомства подтвердили свои позиции⁵⁹. По итогам обсуждения 30 апреля (13 мая) 1906 г. в МИД составили справку, в которой констатировалось, что совещание выработало две записки по поводу программы, отредактировав в одной пункты, касавшиеся сухопутной вой-

⁵¹ Там же, д. 4928, л. 22–26.

⁵² Там же, д. 4926, л. 56–57.

⁵³ Там же, д. 4927, л. 88.

⁵⁴ Там же, д. 4926, л. 59–61 об.

⁵⁵ Там же, д. 4927, л. 33–34.

⁵⁶ Там же, л. 58–59.

⁵⁷ Там же, д. 4920, л. 50–51.

⁵⁸ Там же, д. 4927, л. 3–4 об.

⁵⁹ Там же, д. 4899, л. 2–7.

ны; во второй — войны на море. Предполагалось, что эти статьи дополняют на подобных совещаниях осенью, так как представители военного и морского ведомств летом должны участвовать в конференции Красного Креста в Женеве⁶⁰.

В справке отмечалось негативное отношение представителей военного и морского ведомств к конференции, сомнения в ее пользе для России и предложение по возможности затянуть ее созыв. Дипломаты разъяснили коллегам политическое значение мероприятия для России в контексте мирного движения. Они полагали, что следует обсуждать на форуме не отдельные статьи, предложенные ведомствами, а цельный проект конвенции о морской войне. Если делегаты примут его за основу, то собственно русские пожелания будет легче осуществить.

Но за недостатком времени совещание так и не приступило к выработке общего проекта, и дело откладывалось в долгий ящик. Хотя все нестыковки увязать не удалось, в МИД выработали второй циркуляр. Во всеподданнейшей записке от 11 (24) марта 1906 г. Ламздорф, доложив о состоянии дела, обозначил возможный срок проведения конференции — вторая половина июля (по новому стилю), и получил согласие царя на рассылку проекта программы⁶¹. 16 (29) марта 1906 г. циркуляр был сообщен державам и опубликован в газетах.

В преамбуле указывалось на приоритет и преемственность действий России: «Принимая на себя почин созыва Второй конференции мира, императорское правительство имело в виду необходимость дать дальнейшее развитие человеколюбивым принципам, положенным в основу трудов знаменательного международного собрания 1899 г.» Отмечалось расширение круга участников конференции, и выражалась надежда, что труды Первой конференции будут дополнены⁶².

В программу предлагалось включить такие положения:

1. Усовершенствовать постановления конвенции о мирном решении международных столкновений в частях, касающихся палаты третейского суда и международных следственных комиссий.

2. Дополнить постановления конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, относительно открытия военных действий, прав нейтральных государств на суше и т.п., а также в связи с истечением срока одной из деклараций 1899 г. рассмотреть вопрос о ее возобновлении.

3. Выработать конвенцию о законах и обычаях морской войны, включающую пункты: об особых ее средствах (бомбардировке портов, городов и селений морскими силами, постановке мин и т. д.); о правилах обращения торговых судов в военные; о положении частной собственности воюющих на море; о льготном сроке для выхода торговых судов из нейтральных и неприятельских портов после открытия военных действий; о правах и обязанностях нейтральных держав на море. Кроме того, предполагалось обсудить вопросы: о контрабанде; о положении судов воюющих в нейтральных портах; об уничтожении нейтральных торговых судов, взятых в качестве призов.

4. Дополнить конвенцию 1899 г. о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г.

В циркуляре подчеркивалось, что, как и на конференции 1899 г., прения не должны касаться ни политических отношений между державами, ни порядка вещей, установленного трактатами, ни вообще вопросов, не включенных в одобренную правительством программу. Вместе с тем отмечалось, что ее оглашение не закрывает возможности выражать взгляды относительно сформулированных положений. В Петербурге надеялись, что иностранные правительства «увидят в совокупности поставленных на обсуждение пунктов выражение желания приблизиться

⁶⁰ Там же, д. 4945, л. 28—29.

⁶¹ Там же, д. 5036, л. 71—72.

⁶² Правительственный вестник, 16(29).III.1906.

к тому высокому идеалу международной справедливости, который является постоянною целью всего цивилизованного мира»⁶³.

В марте — апреле 1906 г. начали поступать ответы держав на предложение России, что позволило скорректировать состав участников, сроки созыва и программу конференции. В целом почти все выразили согласие участвовать⁶⁴. Не прислала ответа Турция, а от Абиссинии пришел категорический отказ. Соображения императора Менелика, высказанные им в частной аудиенции, министр-резидент С. А. Лихачев изложил в подробной депеше от 27 марта (9 апреля) 1906 г. на имя Ламздорфа⁶⁵.

Лихачев верно подметил, что негус «совершенно не подготовлен к восприятию столь сложных идей, как идея конференции мира», поскольку европейская цивилизация коснулась его лишь поверхностно. По словам дипломата, Менелик «понимает выгоды проведения хороших грунтовых дорог, туманно сознает выгодность для его страны в проведении рельсового пути. Но дальше практических и видных сразу на деле результатов европейской цивилизации его ум не идет. В голове этого просвещенного по-своему, но все же африканского, властителя, само собой разумеется, не могут укладываться понятия о законах сухопутной войны, о применении ее к морской войне... о Женевской конвенции и о третейском разбирательстве споров между государствами». Неограниченный властитель в своей стране, он крайне подозрителен, полагая, что европейцы ему хотят навязать какие-то совершенно непонятные обязательства насчет войны.

Все попытки разъяснений оказались безуспешными, и Лихачев с грустью констатировал: «то, что для нас, европейцев, понятно само собой, здесь объяснено не может быть». Положительный же ответ, данный негусом в ноябре 1905 г. на приглашение участвовать в конференции, который передал ему ныне покойный министр-резидент К. Н. Лишин, Лихачев объяснил тем, что Менелик просто не понял сути дела из-за плохого перевода. Лихачев, служивший в ту пору драгоманом, был болен, и Лишин отправился во дворец один. Ничего не понял и переводчик, который увертливую фразу негуса перевел так: «Джанкой (негус. — *И. Р.*) принимает предложение и благодарит». По всегдашней привычке никогда не отвечать прямым отказом на что бы то ни было, Менелик и в этот раз ответил Лихачеву весьма витиевато: конференция вообще-то вещь хорошая, он с удовольствием будет участвовать в этом деле, когда придет время и он узнает подробности. В итоге представителей Абиссинии в Гааге не было.

Подводным камнем в определении состава участников форума стал вопрос о присутствии на нем делегата от Святого Престола, как и при подготовке Первой конференции⁶⁶. Поскольку Петербург предполагал расширить круг приглашаемых держав, тем, кто не был на Первой конференции, следовало предварительно присоединиться к принятым в 1899 г. конвенциям, обратившись с соответствующим заявлением к нидерландскому правительству. Оно извещало об этом всех участников Первой конференции, чтобы получить их согласие. Если чье-либо присутствие какое-то правительство сочло бы не желательным, его молчания было достаточно, чтобы проситель получил отказ, не зная, по чьему почину он состоялся. По информации Чарыкова, это предложение Петербурга не приняли в Гааге и хотели заранее выяснить отношение Квиринала к возможному присоединению к конвенциям 1899 г. папы, который якобы при поддержке германского императора добивался приглашения⁶⁷.

Ситуацию «самым осторожным и доверительным образом» МИД поручил выяснить послу в Риме графу Н. В. Муравьеву. 3 (16) октября 1905 г. он доложил, что, хотя лично Титтони не разделял позиции, занятой его предшественником в 1899 г.,

⁶³ Вторая Конференция мира 1907. СПб., 1908, с. 1—4.

⁶⁴ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 4936.

⁶⁵ Там же, л. 137—138об.

⁶⁶ См. *Рыбачёнок И. С.* Россия и Первая конференция 1899 года в Гааге. М., 2005, с. 41—44.

⁶⁷ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 4932, л. 4, 5об.

«римский кабинет связан отрицательным прецедентом, и отступление от последнего неминуемо вызвало бы агитацию крайних партий против правительства и обвинение его в клерикализме»⁶⁸. Эта острая проблема оживленно дискутировалась в итальянской прессе, и если ватиканские газеты высказывали надежду на положительное решение, то в остальных органах печати «резко оспаривалась сама мысль о том, что Курия наравне с другими державами могла бы участвовать в обсуждении вопросов международного, военного и морского права». В частных беседах с Титтони Муравьев убедился, что из-за отрицательного отношения прессы «министерство затрудняется изменить свои суждения и решения ...чтобы не вызвать неизбежной внутренней против себя агитации»⁶⁹.

Ватикан занял выжидательную позицию, однако, как сообщил Чарыков 24 октября (6 ноября), представители и Курии, и Квиринала в Гааге думали, что шансов мало, поскольку, как и в 1899 г., допуску делегата Святого Престола должно предшествовать признание папою итальянского «закона о гарантиях», что для Пия X было так же невозможно, как для Льва XIII⁷⁰. Эта информация определила позицию Петербурга: 11 (24) ноября Чарыкова известили, что для России благоразумнее будет и на этот раз воздержаться от приглашения папы, тем более что непосредственные ее интересы этого не требовали⁷¹.

Но, опасаясь нежелательных осложнений с Курией и учитывая смену итальянского кабинета, МИД 19 декабря 1905 г. (1 января 1906 г.) поручил Муравьеву получить от Квиринала ответ в категорической форме. 30 декабря 1905 г. (12 января 1906 г.) посол доложил о его решительном отказе согласиться с присутствием папы. Дипломат считал нецелесообразным продолжать настояния, чтобы сохранить добрые отношения с Италией⁷². Однако на Певческом мосту, предполагая, что Квиринал ведет двойную игру, повторили запрос и получили однозначный ответ: если папа будет приглашен, Италия в конференции не станет участвовать. 5 (16) января 1906 г. Ламздорф доверительно проинформировал Чарыкова о том, что Россия вынуждена отказаться от мысли видеть делегата Курии в Гааге⁷³.

С целью оправдать отсутствие на конференции представителя папы, нидерландское правительство предложило исключить из ее программы все вопросы, касающиеся мирного решения международных столкновений⁷⁴. Тогда Чарыков посоветовал провести предварительный обмен мнениями о модальностях Второй конференции (участниках, программе и председателе) в узком кругу великих держав. Это, по его мнению, облегчит договоренности с остальными приглашенными, половина из которых — «государства экзотические»⁷⁵. Докладывая о сложившейся ситуации, Ламздорф во всеподданнейшей записке 5 (18) февраля высказался против ограничения компетенции форума исключительно военными вопросами: это вызовет возражения многих держав и так умалит значение мероприятия, что «даже сохранение имени мирной конференции оказалось бы невозможным». Чарыкову поручили приватно объяснить с министром иностранных дел ван Тетсом, дабы убедить нидерландское правительство отказаться от своих настояний, а в ходе беседы намекнуть, что в противном случае конференция может быть перенесена в другое место⁷⁶. Аргумент действовал.

В итоге 15 (28) марта 1906 г. российскому представителю при Святом Престоле барону М. Ф. Шиллингу предписали вручить папе Пию X ноту, в кото-

⁶⁸ Там же, л. 7, 15, 17об.

⁶⁹ Там же, л. 19—21об.

⁷⁰ Там же, л. 27об, 34.

⁷¹ Там же, л. 36—37.

⁷² Там же, л. 42, 50об.

⁷³ Там же, л. 55об., 56—57; д. 4926, л. 18—19.

⁷⁴ Там же, д. 4928, л. 33—41об.

⁷⁵ Там же, д. 4927, л. 118—121.

⁷⁶ Там же, д. 5036, л. 55—56об.

рой констатировалась невозможность для России, несмотря на искреннее желание видеть представителя Курии на конференции, единолично решить этот вопрос, а официальное его международное обсуждение «могло бы нанести престижу Римского первосвященника непоправимый удар». Поэтому предстояло выбрать: или отказаться от созыва конференции, или пригласить на нее «лишь представителей государств, располагающих военными силами». На Певческом мосту полагали, что Курия предпочтет второе решение.

В Петербурге признавали совершенно невозможным исключать из программы форума вопрос об усовершенствовании арбитражной конвенции, чтобы не извратить самый характер мирных Гаагских конференций. Это было важно в контексте развития так называемого «мирного движения», которое, зародившись в 70-х годах XIX в. и приведя в 80-х годах к созданию межпарламентских конференций, мало-помалу ширилось. Его трансформация вызывала опасения Петербурга, поскольку оно, «проникаясь тлетворными идеями социализма и масонства, стало все более склоняться в сторону полного интернационализма» и обнаружило тенденцию к уничтожению государств и их армий. Дабы воспрепятствовать этому, в Петербурге полагали, что следовало не уничтожать движение, коренившееся в естественном чувстве миролюбия большинства народов (что было бы несправедливо и бесполезно), но направить в определенное русло и бороться лишь с крайними элементами. Альтернатива виделась так: или интернациональный пацифизм, проповедуемый масонством, или христианское и националистическое мирное движение во главе с Россией. В Петербурге надеялись, что в этом противостоянии высокий нравственный авторитет Пия X в католическом мире, независимо от участия его представителя на Второй конференции, окажется полезным⁷⁷.

21 марта (3 апреля) Шиллинг доложил об исполнении поручения. Статс-секретарь Пия X кардинал Мерри дель Валь, очень внимательно выслушав, ясно дал понять, что надежды присутствовать на конференции Курия не теряет. Там полагали, что участие Святого Престола отвечает интересам самой Италии, что техническая сторона проблемы — недостаточный довод для его устранения, а главное заключается в принципиальном праве быть представленным в международном собрании⁷⁸. Кроме того, кардинал намекнул на переговоры с Квириналом, которые якобы ведутся при посредничестве Вильгельма II. Послу в Берлине графу Н. Д. Остен-Сакену предписали навести справки об этих переговорах. Но выяснилось, что таковых не было. Не возражая против приглашения папы, Германия не могла инициировать этот вопрос, поскольку ее положение как союзника Италии слишком деликатно⁷⁹.

Между тем Чарыков 5 (18) апреля предлагал не откладывать созыв конференции. «Поучительный опыт Русско-японской войны еще не забыт, опасения, вызванные Альхесирасскими переговорами еще свежи в памяти всех — в особенности нейтральных — и наряду с общим желанием миролюбивых соглашений, хотя бы путем взаимных уступок, ясно сознается настоятельность восполнения слишком крупных пробелов международного договорного права войны и мира. Долго ли продержится такое настроение — сказать трудно, но упустить его было бы жаль»⁸⁰.

Но срок созыва форума пришлось корректировать. По настоянию Швейцарии решили предварительно провести специальную конференцию Красного Креста в Женеве для пересмотра конвенции 1864 г., обсудив возможность применения ее к морской войне⁸¹. Она открылась 29 мая (11 июня), чтобы завершиться до начала работ в Гааге⁸². Кроме того, в конце марта Петербургу стало известно, что Вашингтон созывает в июле 1906 г. очередное заседание Панамериканского конгресса в Рио-

⁷⁷ Там же, л. 88—91.

⁷⁸ Там же, д. 4933, л. 20—23.

⁷⁹ Там же, л. 32об.

⁸⁰ Там же, л. 40—43.

⁸¹ Там же, д. 5036, л. 67.

⁸² Там же, д. 4937, л. 2об., 3, 4, 11об.

де-Жанейро⁸³. В нем должны были участвовать и другие латиноамериканские государства, поэтому Соединенные Штаты, Бразилия и Аргентина попросили отсрочить проведение конференции в Гааге до осени. Как сообщал Розен, большинство этих государств не имело достаточного количества квалифицированных кадров, чтобы участвовать одновременно на обеих конференциях. Петербург согласился на отсрочку⁸⁴.

Возникли уточнения по программе. По сообщению Розена от 24 марта (7 апреля) 1906 г., американцы оставляли за собой право возбудить дополнительные вопросы, а именно: обсудить проблемы сокращения или ограничения вооружений и ограничение употребления силы для взыскания по обыкновенным публичным долгам⁸⁵. Здесь они ссылались на вмешательство Англии, Германии и Франции в венесуэльский конфликт 1903 г., давший повод апеллировать к так называемой доктрине Драго, принципы которой не разделяют многие европейские державы. По сообщению посла в Лондоне графа А. К. Бенкендорфа от 13 (26) июля 1906 г., англичане, поддерживая обсуждение вопроса об ограничении вооружений, руководствовались внутривосточными соображениями. Кроме того, британское правительство оговорило свое право отказаться участвовать в дебатах по любому вопросу, если ему покажется, что они принимают оборот, неспособный привести к полезным результатам⁸⁶. Любопытно отметить, что в ответе Токио этот пассаж повторялся буквально, вплоть до запятой.

После получения ответов держав в МИД 31 марта (13 апреля) 1906 г. составили памятную записку, в которой констатировалось, что перенос даты открытия конференции — благо для России, поскольку лучше ее отложить на возможно долгий срок, «и в случае невозможности собрать ее по своей инициативе для того именно и для того только, чтобы она не собралась по почину другой державы»⁸⁷.

Увенчавшись успехом, конференция 1899 г. подняла авторитет России в мире. Но после войны с Японией многие правительства были настроены враждебно. Поэтому в правящих верхах империи опасались, что если эти чувства проявятся на конференции, этим воспользуются финляндцы, поляки, евреи и прочие инородцы. Хотя их петиции не будут приняты высоким собранием, помешать им высказывать жалобы на митингах, как это делали армяне по отношению к Турции во время Первой конференции, не удастся. «Подобные манифестации, — утверждалось в записке, — хотя и лишены практического значения, все же производят крайне невыгодное действие на престиж страны, против которой они направлены».

На берегах Невы не хотели ни выпускать из своих рук инициативу созыва форума, ни позволить приписать России задержку его открытия. Сложившаяся ситуация оказалась на руку: повод для отсрочки давал созыв Панамериканского конгресса. На Певческом мосту решили: если к весне 1907 г. обстоятельства для России сложатся благоприятно — она созовет форум, в противном случае постарается отложить. Для успеха замысла дипломаты полагали нужным «самым тщательным образом скрывать, что наш истинный интерес — в отсрочке конференции, и, напротив, делать вид, что это для нас весьма тягостно. Тогда державы, думающие своим противодействием нанести нам вред, в сущности, будут служить нашим интересам». Пока же готовили проекты, которые будут вынесены на обсуждение.

⁸³ См. Томас А. Б. История Латинской Америки. М., 1960; Строгонов А. И. Латинская Америка в XIX в. М., 2002.

⁸⁴ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 5036, л. 96, 97.

⁸⁵ Там же, д. 4931, л. 80б.

⁸⁶ Там же, л. 157—158.

⁸⁷ Там же, д. 4937, л. 29—32об.

Итак, дело с конференцией застопорилось⁸⁸. 29 марта (11 апреля) МИД известил российских представителей за рубежом о переносе срока ее проведения⁸⁹. После отставки В. Н. Ламздорфа в мае 1906 г. в здании у Певческого моста воцарился А. П. Извольский, бывший до тех пор посланником в Дании. Ловкий и хитрый карьерист, никогда прежде не работавший в аппарате министерства и не осведомленный о многих тайнах петербургской дипломатии, он к тому же плохо знал людей и не умел ладить с коллегами. Нового главу ведомства по-разному восприняли и в столице, и в российских зарубежных представительствах.

«Наконец упал мой злейший враг Ламздорф!» — ликовал Мартенс, который даже не пошел на его похороны в 1907 г., о чем с удовольствием поведал в дневнике. Профессор надеялся, что его собственное положение в МИД теперь укрепитя, однако просчитался, и вскоре стал отзываться об Извольском весьма нелицеприятно, называл его хвастуном и даровитым Хлестаковым⁹⁰. Заискивал и лебезил Чарыков: он выражал надежду, что Бог поможет министру «вывести нас на новую, светлую и ровную дорогу», и готовность «служить от всего сердца и всеми силами» новому руководству⁹¹. Гораздо сдержаннее отнеслись к перестановкам в министерстве более опытные и знающие дипломаты — посол в Париже Нелидов и посол в Константинополе И. А. Зиновьев. Подвижки, которые произошли и в руководстве МИД, наложили отпечаток на курс внешней политики России в целом.

ЗАГРАНИЧНОЕ ТУРНЕ МАРТЕНСА

Извольский оказался не в курсе замыслов предшественника, связанных с гагаским форумом, и в беседе с Мартенсом выразил недоумение по поводу причин, побудивших Россию вырвать инициативу его созыва из рук Соединенных Штатов. Профессор и сам не знал подоплеку и всех аспектов подготовительной стадии, но был уверен, что после официального предложения Петербурга отступить нельзя. Он горел желанием активно действовать, но единолично, и просил откомандировать в его распоряжение Б. Э. Нольде, хорошо знакомого ему по службе. Министр поручил профессору ознакомиться с имевшейся документацией⁹².

Глубоко задетый тем, что большая часть переписки, которую МИД вел за прошедшие 18 месяцев, готовясь к форуму, оказалась вне его поля зрения, Мартенс теперь рьяно взялся за работу, рассчитывая стать незаменимым. Он полагал, что следует в устных беседах выяснить подлинные мнения держав о программе конференции, о чем поведал в доверительном письме от 14 (27) декабря Извольскому, приложив записку об организации конференции⁹³. Чтобы разделить ответственность и выработать общий план действий, Мартенс предложил устроить немедленно совещание представителей некоторых держав для выяснения организационных вопросов. В число «избранных» он включил: Австро-Венгрию, Англию, Германию, Италию и Францию, а также США, Японию и Голландию. Одно или два лица от каждой из них могли бы собраться в здании императорского посольства в Париже под руководством Нелидова.

Смысл сего секретного обсуждения, по задумке Мартенса, состоял в согласовании времени созыва конференции, технических задач — выборе председателя, создании отдельных комиссий, уточнении программы. Из нее следовало исключить «слишком опасные» проблемы и включить практически осуществимые, и никоим образом не принимать каких-либо решений по существу поставленных вопросов. Выгоду Мартенс усматривал троякую. Во-первых, если участники выскажутся за

⁸⁸ В. В. Пустогаров ошибочно приписывает этот факт только смене министров. См. *Пустогаров В. В.* Указ. соч., с. 245.

⁸⁹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 4931, л. 26–26об.; д. 5036, л. 98.

⁹⁰ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 118, 101, 102.

⁹¹ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4931, л. 9–12, 26–26об.

⁹² Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 103–104.

⁹³ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4946, л. 15–16, 17–23об.

отсрочку созыва, Россия объявит о своей непричастности к этому. Во-вторых, из-за выявившегося разномыслия по ряду проблем, можно снять их, ссылаясь на обмен мнений в Париже, доказавший невозможность успешного решения. Наконец, надо попытаться договориться с некоторыми великими державами для совместных действий на конференции.

Опираясь лишь на дневниковые записи Мартенса, историк В. В. Пустогаров следует за ним в трактовке фактов. Но опус юриста являлся лишь качественной компиляцией (на основе ознакомления с перепиской) тех выводов, к которым уже пришли его коллеги. Он лишь повторял уже сформулированные тезисы: раз высочайшая воля о созыве конференции объявлена — она должна быть исполнена; и отказаться от замысла нельзя без ущерба для международного престижа России. Мысль о «пользе создания среди 46-ти участников конференции — в большинстве экзотических — некоего внутреннего круга, который составил бы из главных европейских кабинетов (с присоединением, может быть, Вашингтонского и Токийского) и который путем предварительного дружеского интимного взаимного соглашения дал бы тон и директиву всемирному съезду», была впервые сформулирована в письме Чарыкова от 3 (16) мая 1906 г.⁹⁴ Так что оригинальным в записке Мартенса было только обозначение места встречи — любимый им Париж!

Замысел понравился министру, но ему было ясно, что такая встреча не останется секретом и породит нежелательные толки. Извольский предложил Мартенсу лично посетить Берлин, Париж, Лондон, Рим, Вену и Гаагу, чтобы на месте обговорить подготовительные мероприятия⁹⁵. Однако для этого требовалась санкция Николая II. Во всеподданнейшем докладе 18 (31) декабря 1906 г. констатировалась необходимость в начале 1907 г. созвать конференцию и испрашивалось соизволение командировать Мартенса в европейские столицы для личного обмена мыслями⁹⁶. В этом обычном бюрократическом документе самым любопытным является то, что рукописный его вариант — автограф Мартенса!⁹⁷ Машинописный подлинник доклада, подписанный Извольским, и с обычной пометой Николая II «Съ» («Согласен») — вплоть до пунктуации, совпадает с текстом профессора⁹⁸. Видимо, не вполне уверенный в том, что министр сможет убедительно обосновать необходимость такой миссии, хитроумный профессор собственноручно написал не только доклад, но и весьма пространную инструкцию. В ней очерчивался круг тем, которые посланцу Петербурга надлежало обсудить с ответственными лицами в каждой из европейских столиц⁹⁹.

Главная трудность заключалась в согласовании программы конференции. Эмиссару из России следовало недвусмысленно объяснить в Лондоне и Вашингтоне, что Петербург, считая «совершенно бесплодной утопией всякие радикальные проекты всеобщего и полного разоружения», не желал бы обременять ими конференцию. Значимыми для России были: проблемы расширения пределов компетенции третейского международного разбирательства; вопрос о неприкосновенности частной собственности на море во время войны, имея в виду сохранение права военных кораблей захватывать коммерческие суда; избежать строгого толкования нейтралитета.

19 декабря 1906 г. (1 января 1907 г.) Николай II утвердил всеподданнейший доклад и спустя неделю дал Мартенсу аудиенцию, выразив надежду на благоприятный исход конференции. Самыми серьезными ему казались проблемы разоружения и неприкосновенности частной собственности на море. 3 (16) января 1907 г. состоялась еще одна аудиенция, на которой Николай II подтвердил изначальную

⁹⁴ Там же, л. 1об. — 2.

⁹⁵ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 104.

⁹⁶ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4946, л. 25—26.

⁹⁷ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 104.

⁹⁸ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 5036, л. 109—111.

⁹⁹ Там же, д. 4947, л. 24—27об.

позицию: о «полном разоружении» не может быть и речи, а цель вояжа — лишь предварительный зондаж настроений держав, чтобы согласовать программу форума, которая обеспечила бы его успех. Вместе с тем профессор полагал, что монарх не отдает себе полностью отчета в этих вопросах, а из прощальной беседы с министром Мартенс вынес впечатление, что тот не является сторонником франко-русского союза, но склоняется на сторону Германии. Юрист считал нецелесообразным договариваться с ней об общей линии на будущей конференции, чтобы не осложнить отношений с Францией. Однако Извольский решительно заявил: «Германия великая военная и морская держава, с которой хорошо быть в союзе»¹⁰⁰.

Проблемы сокращения вооружений и смягчения англо-германского антагонизма вряд ли поддавались урегулированию. В противостоянии с Германией, Англия готовилась решительно отстаивать свое морское первенство. Но развитие флота требовало увеличения налогов, что не могло не вызывать сильнейшего противодействия в стране. С целью показать мировой общественности, что в гонке вооружений и, следовательно, росте налогового бремени виноват Берлин, Лондон предложил включить в программу форума обсуждение вопроса об ограничении военных расходов, что поддерживал и Вашингтон.

Российским представителям в европейских столицах предписывалось оказывать поддержку Мартенсу. Поскольку посетить Вашингтон было затруднительно, американскому послу в Берлине поручили там встретиться с посланцем из России¹⁰¹. На протяжении всей поездки Мартенс регулярно заносил в дневник свои эмоционально окрашенные впечатления, по большей части о внешней стороне визита. Но в депешах, телеграммах и личных письмах он весьма подробно информировал Извольского о ходе переговоров, которые вел, и о своих наблюдениях и выводах.

Из Петербурга 6 (19) января 1907 г. Мартенс направился в Берлин — один из труднейших пунктов маршрута из-за резко отрицательной позиции Германии на Первой конференции по вопросам разоружения и обязательного арбитража, которая не изменилась и теперь. По информации посла в Берлине Остен-Сакена, «Вильгельм II относится к конференции далеко несочувственно», в чем Мартенс убедился в ходе встречи со статс-секретарем Г. Чиршки. Тот сообщил, что Германия выступит против включения в программу английского предложения. Мартенс в ответ просил не отвергать его с порога, а передать на рассмотрение в военную комиссию¹⁰².

В тот же день на встрече с американским послом в Берлине Ш. Тауером Мартенс заявил о готовности Петербурга внести в программу конференции дополнительные вопросы, но выразил сомнение в поддержке других держав¹⁰³. В депеше Извольскому Мартенс подробнее изложил взгляды германских дипломатов. Они высказывались против признания обязательного арбитража, но за отдельные соглашения с отдельными государствами; предлагали сохранить право захвата коммерческих судов во время войны и надеялись «заставить Англию отказаться от традиционного эгоистического толкования права морской войны исключительно в свою пользу и во вред нейтральным»¹⁰⁴.

На большом придворном балу 18 (31) января Вильгельм II весьма любезно беседовал с Мартенсом и даже заметил, что в зале Гаагской конференции следует поставить портрет профессора, объезжающего Европу с «пальмовой ветвью мира». Совсем лишенный чувства юмора, эмиссар на это сухо ответил, что лишь выполняет свой долг, но выразил готовность на обратном пути вновь посетить Берлин, чтобы сообщить о результатах вояжа, что устраивало и кайзера, желавшего получить ин-

¹⁰⁰ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 105.

¹⁰¹ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 5036, л. 112.

¹⁰² Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 106.

¹⁰³ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4949, л. 5—5об., 22об.

¹⁰⁴ Там же, д. 4951, л. 20—22.

формацию из первых рук. Мартенс уехал с убеждением, что в Германии «хотят воспользоваться Гаагской конференцией, чтоб нанести маленькие удары не России, но — Англии, которую не любят»¹⁰⁵.

19 января (1 февраля) Мартенс прибыл в Париж, где встретился с Нелидовым, французскими министрами и дипломатами, получил аудиенцию у президента К. Фальера, который не верил в практические меры по разоружению. Обстоятельный деловой разговор состоялся у Мартенса с министром иностранных дел С. Пишоном, полагавшим, что воспрепятствовать постановке на обсуждение вопроса об ограничении вооружений невозможно, и предлагавшим «достойно его похоронить» в одной из комиссий совместно с Россией и другими державами. По внутриполитическим соображениям правительство приходилось считаться с могущественной социалистической партией, исповедующей антимилитаризм, и выступление министерства против проекта ограничения вооружений грозило бы ему падением¹⁰⁶. Побеседовал Мартенс и с Л. Буржуа, одним из делегатов на будущем форуме. Тот полагал, даже платоническая манифестация в пользу идеи сокращения военного бремени принесет пользу, не позволив забыть о почине России. Он предлагал выработать по этому вопросу текст резолюции, тождественной принятой в 1899 г., переадресовав решение на усмотрение Третьей конференции¹⁰⁷.

В Лондоне Мартенс 30 января (12 февраля) вел переговоры с министром иностранных дел Англии Э. Греем. Он подчеркнул, что активное военно-морское строительство Германии вынуждает к этому и Англию: «Если Германия строит два новых военных судна, мы должны строить четыре. Если они четыре, мы — шесть или восемь. Таким образом, эти вооружения идут крещендо, и сказать, чем это закончится, — никто не может». На этот тезис Мартенс не нашел, что возразить¹⁰⁸. В донесении Извольскому профессор уточнил, что Лондон имел в виду лишь приостановку роста морских бюджетов и готов или поддержать такое предложение со стороны других держав, или выступить с ним самостоятельно. Конфиденциально министр прибавил, что «английское правительство желало бы устранить соперничество с Германией в деле морских вооружений», «но отдает себе полный отчет в невозможности предложить какие-либо ограничения, которые затруднили бы для России необходимость постройки военных судов»¹⁰⁹.

В результате получасовой личной беседы с королем Эдуардом VII 2 (15) февраля у Мартенса сложилось впечатление, что изолировать Германию и ее императора является заветной целью короля. Скептически относясь к предложению дебатировать жгучий вопрос о разоружении, он как конституционный монарх не желал вмешиваться в решения кабинета министров. По словам присутствовавшего на встрече Грея, английское правительство твердо намерено в будущем обсуждать проблему ограничения военных бюджетов как на флот, так и на армию. Вместе с тем Лондон готов согласовать с Петербургом форму, в которой вопрос будет включен в программу при окончательном приглашении держав¹¹⁰.

В целом положительные впечатления от встречи омрачил забавный казус. Утром в день отъезда Мартенс получил приглашение короля на обед тем же вечером. Правда, высокая честь сопровождалась напоминанием о необходимости явиться в особом костюме — «лакейские короткие панталоны и туфли» — раздраженно записал он в дневнике. Такого наряда у него не было, от предложения советника посольства одолжить свой костюм профессор категорически отказался, и поскольку в субботу магазины закрывались рано, а мастерские не работали, пришлось обратиться к гофмаршалу королевского двора. Тот доложил дело монарху,

¹⁰⁵ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 107; ф. 151, оп. 482, д. 4949, л. 35—35об.

¹⁰⁶ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4951, л. 23—26.

¹⁰⁷ Там же, д. 4949, л. 27—28.

¹⁰⁸ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 110.

¹⁰⁹ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4949, л. 29—30.

¹¹⁰ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 111; ф. 151, оп. 482, д. 4949, л. 35—35об.

который разрешил прийти в длинных брюках. Обед искупил страдания. «Меня очень хорошо посадили, — отметил в дневнике Мартенс, — по правой руке от короля дуайен дипломатического корпуса Поль Камбон. Подле последнего первый министр сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман и затем я. Обед был блестящий по сервировке и кулинарному искусству»¹¹¹.

Германские послы в Лондоне и Париже проявляли самый настойчивый интерес к результатам миссии Мартенса, наиболее влиятельные органы британской печати посвящали ей обширные статьи. Ссылаясь на требования общественного мнения, Грей при второй встрече заявил, что бремя военных расходов требует от правительства постановки вопроса о его облегчении, не дожидаясь, чтобы инициативу взяли на себя народные массы, враждебные существующему государственному порядку. Поэтому даже академическое обсуждение вопроса об ограничении вооружений «в высшей степени полезно, подготавливая возможность практического его решения в будущем»¹¹².

В Гааге Мартенса приняла королевская семья. «Кормили меня с утра до вечера», — записал он в дневнике о многочисленных завтраках, обедах и раутах в его честь. Но, главное, была окончательно согласована дата открытия конференции — 1 (14) июня и процедура ее созыва. После получения из Петербурга циркуляра с окончательной программой голландское правительство, не дожидаясь ответов держав, отправило им приглашения¹¹³.

Переговоры в Риме проходили с 10 (23) по 15 (28) февраля. Итальянский король принял Мартенса 13 (26) февраля, выказав знакомство с его научными трудами и практической деятельностью. Виктор-Эммануил III явно сочувствовал идее разоружения и высказался за ее обсуждение на конференции, даже если не будет никаких положительных результатов в ближайшем будущем. Он же предложил установить международный договор о максимальном тоннаже военных судов, чтобы ограничить вредный рост расходов на флот. В тот же день Титтони дал большой обед в честь профессора права, а на следующий день долго беседовал с ним. Стало ясно, что итальянское правительство не последует за Германией, блокирующей постановку вопроса о сокращении вооружений. В том же духе высказался испанский посол в Риме, с которым там же переговорил Мартенс, поэтому надобность в поездке в Мадрид отпала¹¹⁴.

Но в Вене, куда Мартенс прибыл 17 февраля (2 марта), российский посол Л. П. Урусов подтвердил: Австро-Венгрия следует в германском фарватере. На аудиенции император Франц-Иосиф I высказался против замысла Лондона, а на контрдоводы юриста — не отреагировал. Беседа с министром иностранных дел бароном А. фон Эрнталем была более детальной, но Мартенс пришел к выводу, что из Берлина дан сигнал: не соглашаться выносить на обсуждение английское предложение. В Вене даже зондировали возможность вместо проведения конференции заключить соглашение между Россией, Германией и Австро-Венгрией о сокращении своих армий¹¹⁵. Однако в Берлине появилась надежда: 22 марта (4 апреля), выслушав информацию о поездке, Вильгельм II пошел на уступку в щекотливом вопросе, не настаивая на исключении его из программы. Мартенс «возвращался в наилучшем настроении духа»¹¹⁶.

Оценки успешности миссии Мартенса разнятся. Одни современники отмечали ее важность для подготовки конференции. «Я близко видел, с каким вниманием и уважением встречала его вся официальная Европа»¹¹⁷, — вспоминал Нольде. Дру-

¹¹¹ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 112—113.

¹¹² Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4951, л. 32—33об.

¹¹³ Там же, л. 38—39.

¹¹⁴ Там же, л. 44—45, 47об., 41.

¹¹⁵ Там же, л. 63—65.

¹¹⁶ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 116.

¹¹⁷ Нольде Б. Э. Ф. Ф. Мартенс. — Русская мысль. М., 1909, декабрь, с. 22.

гие подчеркивали неудачи, в частности то, что Мартенсом остались недовольны и в Берлине, и в Петербурге. И там, и там полагали, что в ходе бесед он слишком выдвигал на первый план свою личность¹¹⁸. По мнению В. В. Пустогарова, поездка Мартенса «имела широкий резонанс, став сенсационной», ведь для подготовки конференции такого масштаба столицы держав посетил представитель страны-инициатора, «выступая в роли посла по особым поручениям». Тогда это было ново и необычно¹¹⁹.

На самом деле европейское турне Мартенса явилось лишь одним из этапов подготовки форума, но не предопределяло его результатов. Слишком разнились интересы держав, все острее становилось соперничество между ними, стремительно нарастала гонка вооружений. Личный авторитет, несомненно, придал дополнительный вес турне, но вряд ли существенно повлиял на ход всего дела. Сбор информации и уточнение позиций, безусловно, были полезными для подготовки конференции и способствовали повышению интереса к ней. Пресса внимательно отслеживала и доводила до сведения современников внешнюю сторону визита.

В Петербурге Мартенс представил министру подробный отчет, с удовлетворением констатировав положительное отношение всех девяти правительств к проведению форума и их готовность деятельно участвовать в обсуждении вопросов, включенных в русскую программу¹²⁰. Все правительства устраивал и срок созыва форума — лето 1907 г.

Трудности касались организационных вопросов, и здесь выявились, по словам Мартенса, «большие недоразумения и странные опасения». Малые державы интересовало: все ли будут пользоваться одинаковым правом голоса в прениях, тогда как в Берлине и Вене опасались, что эти государства смогут решать дела «противно взглядам и воле великих держав». Юрист разъяснил, что согласно практике международных конгрессов и конференций, каждое правительство имеет право присоединиться к общим решениям или их отвергать. Все приглашенные приняли за основу русскую программу, и только Лондон и Вашингтон оставили за собой право прибавить к ней два вопроса: об ограничении вооружений и ненасильственном принуждении должников выполнять обязательства.

Серьезного внимания заслуживал только первый из них и спектр мнений оказался широк. Берлин и Вена возражали против самой постановки вопроса; Лондон, Вашингтон, Мадрид и Рим — открыто сочувствовали его обсуждению; Петербург и Париж, не желавшие этого, не видели способа воспрепятствовать. Полное согласие царило лишь в одном: никто не желал посягнуть на право государств в области организации их сухопутных и морских сил и не помышлял о возможности достичь идеально-гуманной цели в ближайшем будущем. Более того, в Вене Мартенсу говорили о понимании причин, побудивших Петербург исключить этот вопрос из программы, так как после только что окончившейся несчастной войны Россия обязана всеми силами восстановить свой флот и армию. В Лондоне же утверждали, что поскольку в 1899 г. в заключительном протоколе зафиксировали резолюцию о желательности изучить возможность ограничить сухопутные и морские силы держав и их военные бюджеты, вопрос должен быть рассмотрен на конференции и Петербург не может помешать поставить его другой державе.

В заключение отчета профессор права четко обозначил дилемму: Россия не может оказаться на стороне противников обсуждения вопроса об облегчении военных расходов; но не может ни сама возбуждать его, ни сочувствовать положительному решению. Он предлагал сообщить англо-американское дополнение к программе всем державам и условиться с ними, как лучше его заблокировать. Для России, по его мнению, следовало оставаться в нынешнем нейтральном и почетном положе-

¹¹⁸ См. *Wehberg H. Friedrich v. Martens und die Haager Friedenskonferenzen. — Zeitschrift Internationales Recht, Bd. XX. Düsseldorf, 1910, S. 356.*

¹¹⁹ *Пустогаров В. В. Указ. соч., с. 253—255.*

¹²⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1907 г., д. 42, л. 68—75об.

нии, не вступая в лагерь Германии и не присоединяться открыто к Англии. Именно такую позицию в сложившейся расстановке сил на международной арене и пытался занять Петербург. Однако опыт показал, что долго сидеть на двух стульях неудобно и бесперспективно.

Устно Мартенс доложил Извольскому о согласии кайзера не ставить непременно условием участия в конференции отказ обсуждать вопрос о сокращении вооружений. Но на следующий день в МИД поступил меморандум с полным отрицанием того, что кайзер говорил Мартенсу. Он негодовал, а Извольский увидел в таком повороте дела желание Вильгельма II поссорить Россию с Англией. Опасаясь Германии, Извольский, по словам Мартенса, «за ней ухаживает, как за хорошей женщиной», и «не может выйти из под влияния Вильгельма II, перед которым преклоняется». Цель кайзера он видел в том, чтобы, используя английское предложение, заставить Россию идти заодно с Германией¹²¹. Между тем в планы Извольского вовсе не входило обострять отношения с Англией, поскольку в это время Петербург и Лондон вели интенсивные переговоры о размежевании сфер влияния в Персии. Пытаясь сохранить баланс, министр лавировал, стараясь избегать поспешных и ложных шагов. Он понимал, что в условиях внутривосточного кризиса в стране как никогда была необходима стабильность на внешнем периметре. Одно время он даже размышлял о возможности договориться с Берлином о поддержании статус-кво на Балканах, но затем отказался от замысла.

Хотя дипломатическая переписка для уточнения позиций возобновилась, дело, по мнению Мартенса, буксовало. Извольский то и дело браковал тексты составленных профессором телеграмм, пытаясь увильнуть от созыва конференции, бранил покойного Ламздорфа и его помощников, забывая, что «все было сделано именем государя и России». Мартенс доказывал, что нельзя идти назад, раз приглашения разосланы и приняты, однако министр мешкал. 13 (26) марта он, наконец, доложил царю проект циркуляра о созыве конференции, который был подписан. Мартенс думал, что дело решено, но Берлин потребовал внести изменения в документ. Извольский несколько раз менял текст ноты, но ее так и не отправили¹²². Под давлением Берлина и Вены в ноте все отчетливее проступало совпадение позиций трех империй.

16 (29) марта Николай II принял Мартенса, пытавшегося объяснить «безвредность английского предложения» и бессмысленность оппозиции Берлина и Вены. Монарх вроде бы согласился, но, поскольку германский и австрийский послы убеждали его отклонить предложение Лондона, склонялся к мысли отложить конференцию. Мартенс убедил Николая II в том, что отказ станет великим скандалом, и проект был утвержден. Третий циркуляр державам направили 20 марта (2 апреля) 1907 г., и в новой его редакции подчеркивалась полная солидарность взглядов российского, германского и австрийского императоров, а также право этих держав не обсуждать «непрактичных» предложений, т.е. английское предложение о разоружении.

К этому времени в МИД был окончательно согласован состав русской делегации. В нее вошли три полномочных делегата — А. И. Нелидов, Ф. Ф. Мартенс и Н. В. Чарыков. Техническими делегатами назначались: М. Э. Прозор — российский посланник в Рио-де-Жанейро; генерал-майор Н. С. Ермолов — военный агент в Лондоне; полковник Генерального штаба А. А. Михельсон — военный агент в Берлине; капитан I-го ранга И. Ф. Бэр — морской агент в Лондоне; полковник по Адмиралтейству, профессор международного права в Александровской военно-юридической и Николаевской морской академий И. А. Овчинников. Секретарями делегации назначались Б. Э. Нольде, А. Н. Мандельштам, Н. А. Базили, В. Н. Муравьев и А. П. Шувалов.

¹²¹ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 115—116.

¹²² Там же, л. 117.

По договоренности с нидерландским правительством председателем конференции провозгласили Нелидова, получившего специальную инструкцию, которую разослали ведомствам для согласования¹²³. В ней подчеркивался приоритет России в деле пропаганды идеи мира между народами и ее дальнейшего развития. Задача делегатов состояла в том, чтобы добиться успеха высокого собрания, решения которого соответствовали пользе России, не налагая на нее обязательств, способных стеснить ее будущее развитие, но давая возможность пользоваться благами международного правопорядка.

У военных моряков замысел проведения Второй мирной конференции не вызвал большого сочувствия. Когда в конце 1905 г. вопрос о ее созыве только возник, морское министерство отнеслось к нему весьма сдержанно ввиду отсутствия общепризнанных конвенционных постановлений в области морского международного права. Но Петербург не мог уклониться от включения в программу форума ряда проблем, связанных с ним. Опасения моряков вызывало то, что решения конференции могут оказаться для России совершенно неприемлемыми, и они полагали, что «высшим для нас успехом был бы полный провал многих вопросов, которые значились в русской программе»¹²⁴. Так, морской министр адмирал И. М. Диков считал недопустимым заключать конвенцию о Международном призовом суде. В ответ Извольский 14 (27) мая 1907 г. отметил, что если окажется более осторожным не принимать участия в таком договоре, то «императорское правительство найдет средство достичь этого, например отказавшись подписывать конвенцию или ее ратифицировать»¹²⁵.

Но, по мнению Дикова, «инструкция должна быть совершенно ясная», а отказ подписать конвенцию после участия в ее обсуждении доставил бы России больше неудобств. Министр просил в текст инструкции внести изменения, вменив в задачу русских уполномоченных «не допустить образования никакого определенного решения». МИД скорректировал проект инструкции¹²⁶. Своим представителям морское министерство подготовило специальную инструкцию, которую 26 мая (8 июня) 1906 г. Диков выслал Извольскому. Она предоставляла Бэру и Овчинникову «весьма широкую разумную свободу не только мнений, но в некоторых случаях и действий»¹²⁷. Вместе с тем им предписывалось во время работы конференции до внесения каких-либо предложений предварительно докладывать о них Нелидову, а в случае сомнений или расхождений во взглядах немедленно доносить об этом морскому министру. Таким образом, закреплялось единство действий личного состава делегации, но вместе с тем в инструкции были изложены общие соображения по отдельным вопросам с указанием, какую позицию следует занимать в том или ином случае¹²⁸.

Главная задача Нелидова формулировалась четко: «Интересы родины требуют, чтобы созванная по почину императорского правительства Конференция кончилась успешно и чтобы решения, к которым она приведет, соответствовали пользам России, не налагая на нее никаких обязательств, могущих стеснить ее будущее развитие, и давая вместе с тем возможность пользоваться благами международного правопорядка».

НА КОНФЕРЕНЦИИ

В заседаниях Второй конференции мира, которая открылась в Гааге 2 (15) июня 1907 г. и завершилась 5 (18) октября 1907 г., приняли участие 44 государства —

¹²³ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 5037, л. 12—25.

¹²⁴ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ), ф. 418, оп. 1, д. 2875, л. 156об.

¹²⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 4961, л. 31.

¹²⁶ РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2874, л. 23—24, 25, 27.

¹²⁷ Там же, д. 2875, л. 157, 42—49.

¹²⁸ Там же, д. 2874, л. 42—49.

21 европейское, 19 американских и 4 азиатских. Их делегации были весьма представительны и многочисленны. Мартенс в тот день записал в дневнике: «Сегодня происходило торжественное открытие Второй конференции мира... Очень много делегатов: 232! Это действительно мировой парламент»¹²⁹. По оценке Нольде, это было «собрание... почти равное любому парламенту, объединившее все расы, все языки и все большие религиозные группы человечества, окруженное огромным официальным престижем, числившее в своем составе лучших политических деятелей, дипломатов, ученых, чиновников, моряков и генералов всего цивилизованного и отчасти нецивилизованного мира, способное связать нормами права все человечество»¹³⁰. Специалисты в области международного права и впрямь являли цвет мировой юриспруденции¹³¹.

Нидерландское правительство активно готовилось достойно провести международный форум. Чарыков в письме Извольскому от 17 (30) мая сообщил, что помещения для заседаний «обширны и удобны», а правительство «не жалеет усилий и расходов на приспособление их для надобностей конференции»¹³². К письму прилагался план Большой рыцарской залы, рассчитанной более чем на 250 мест, где и проходили пленарные собрания. В глубине на возвышении располагался полукруглый стол для русской и нидерландской делегаций, а представители других государств на скамьях размещались в порядке их алфавита на латинице. Поблизости от залы находились: кабинет для председателя конференции, три комнаты для руководителей комиссий, буфетная и помещение для почты, телеграфа и телефона как городского, так и международного. Таким образом, сведения о происходившем могли быстро становиться достоянием мировой общественности. Во Дворце нидерландских принцев, расположенном в пяти минутах ходьбы, подготовили место для заседаний отдельных комиссий.

Воссоздать в общих чертах ход прений позволяют донесения Нелидова в МИД, ответные депеши и телеграммы Извольского (а за его отсутствием — товарища министра К. А. Губастова), интенсивная переписка главы дипломатического ведомства с военным и морским министрами. Об обсуждении специальных вопросов делегаты от морского ведомства регулярно отправляли рапорты своему начальству, часть которых пересылалась в МИД. Наконец, дневниковые записи Мартенса дополняют картину, ярко выявляя его личное отношение к событиям и к коллегам.

На втором пленарном заседании 6 (19) июня делегаты приняли регламент работы форума, образовав четыре комиссии соответственно основным пунктам русской программы. Мартенс с гордостью отметил: «Я устроил разделение конференции на четыре комиссии. Председателем IV-й комиссии был избран я. Это самая трудная комиссия, ибо в ней должны разбираться вопросы морской войны»¹³³. Все комиссии заседали параллельно. После обсуждения какой-либо проблемы создавался редакционный орган, где вырабатывались взаимоприемлемые формулировки постановлений. Затем вопрос выносился на пленарное заседание, и решение утверждалось или нет.

В 1-й комиссии (под председательством французского профессора права Л. Буржуа) пересматривалась принятая на Первой конференции Конвенция о мирном решении международных столкновений и анализировались связанные с ней проблемы об обязательном арбитраже и учреждении Международного призового суда. 2-я комиссия (под председательством бельгийского юриста О. Беернара) дорабатывала Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, принятую в 1899 г., обсуждала условия открытия военных действий, а также права и обязанности нейтральных держав на суше. 3-я комиссия (под председательством делегата Италии

¹²⁹ АВПРИ, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 133.

¹³⁰ Нольде Б. Э. Указ. соч., с. 467.

¹³¹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 5023, л. 3—12.

¹³² Там же, д. 4966, л. 2—3.

¹³³ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 133.

И. Торниелли) изучала вопросы о бомбардировке морскими силами незащищенных портов, городов и селений; правила постановки мин; статус кораблей воюющих держав в портах нейтральных стран, а также изучала возможность применения к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г., пересмотренной в 1906 г.

В 4-й комиссии шли дискуссии по проблемам морской войны, в том числе обсуждались: возможность превращения торговых судов в военные, льготный срок пребывания кораблей в нейтральных портах после начала военных действий, критерии контрабанды. Рассматривались также вопросы, предложенные иностранными делегациями — о частной собственности неприятеля на море, о блокаде, о рыболовных судах, о почтовой корреспонденции на море. Интересы держав в области морского права по многим параметрам не совпадали, а законодательство в целом было слабо разработано. Поэтому в российском МИД подготовили специальный Сборник документов о морской войне, который вручили всем делегатам конференции. Он был опубликован тиражом в тысячу экземпляров и оказался весьма востребованным¹³⁴.

Общее настроение участников конференции Нелидов 14 (26) июня охарактеризовал как «скорее благоприятное, так как не видно пока ни с чьей стороны желания препятствовать успешному ходу ее работы». Делегаты южных и среднеамериканских государств, доселе мало знакомые Европе, по его словам, держались скромно и повиновались голосу Соединенных Штатов. Английская делегация, позицию которой поддерживала японская, имела в виду «только выгоды присущего Великобритании положения морской державы». Германские и австрийские представители пытались «показать себя в высшей степени сговорчивыми и миролюбивыми». Вместе с тем, по словам дипломата, они были «крайне сдержаны и неоткровенны» с русскими, но ухаживали за французами. Последние же хотели поддерживать союзницу и способствовать успеху конференции. По оценке Нелидова, большинство членов форума и печать прониклись духом тех начал, которые царили на Первой конференции, однако характер съезда, полагал он, «может значительно измениться, особенно если были бы поставлены на очередь какие-нибудь жгучие вопросы»¹³⁵.

Эти опасения опытного дипломата имели основания. Уже в первых двух депешах он отметил, что предложения Англии и Соединенных Штатов о правах и обязанностях нейтральных держав «резко расходятся с нашими взглядами», а вопросы о контрабанде и неприкосновенности частной собственности на море будут решительно отвергнуты и другими державами. Что касается английского предложения о постановке мин, к которому вполне сочувственно относится большинство делегатов европейских держав, то России «в высшей степени трудно и неудобно будет одной против них выступать, защищая существующий порядок вещей»¹³⁶.

Жгучие и «неудобные» для Петербурга проблемы рассматривались в каждой из комиссий. Там происходили острые прения, и далеко не всегда удавалось добиться соглашения, а в результате некоторые из выработанных конвенций не были подписаны делегатами России. В ходе подготовки форума Петербургу не удалось уклониться от озвучивания предложения о сокращении вооружений, и возможность внесения его в повестку дня сохранялась. Именно на этих спорных вопросах и будет далее сосредоточено внимание автора.

2-я комиссия доработала принятые в 1899 г. законы о сухопутной войне и обсудила вопрос об открытии военных действий, что было вызвано историей нападения Японии на Россию в 1904 г. без объявления войны. На открытии заседаний комиссии 9 (22) июня с речью по этому вопросу выступил генерал Ермолов. Мартенс счел ее «бездарной и бессодержательной», зато Нелидов отметил, что генерал «в речи, имевшей блестящий успех», поставил невыясненный до сих пор вопрос о

¹³⁴ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4929.

¹³⁵ Там же, д. 4969, л. 22об.

¹³⁶ Там же, л. 18об.

регламентации открытия военных действий. Выступление, по словам дипломата, вызвало особое сочувствие Франции и второстепенных государств и удовлетворило японцев, по отношению к которым «не содержала никакого упрека»¹³⁷.

Весьма остро звучали в 3-й комиссии вопросы о бомбардировке портов и установке мин. Бэр 7 (20) сентября рапортовал, что статья о запрете плавучих мин принята всеми, кроме России, Турции, Германии и Норвегии, но позже, по его мнению, примут и они¹³⁸. По свидетельству Нелидова, на форуме сложилось единоголосное мнение о допустимости использования только таких мин, которые после известного срока становились безопасными. «В противном случае, — писал он, — общественное мнение, безусловно, требует, чтобы они были запрещены. Нам решительно невозможно одним противиться этой мере, указываемой самым обыкновенным чувством человеколюбия»¹³⁹. Он намеревался голосовать в пользу запрета применять такие мины.

Однако на войне руководствуются иными подходами, и в одном из многочисленных писем в МИД по этому предмету адмирал Диков подробно их изложил¹⁴⁰. Во-первых, он полагал, что изолированная позиция России в этом вопросе не страшна, поскольку «конференция занимается главным образом не соображениями о применении гуманных принципов, сколько соображениями об обеспечении коммерческих и торговых интересов, и даже частных лиц». Поэтому она пытается ограничить оборонительные, а не наступательные средства войны, ибо оказывается, что именно оборонительные угрожают коммерческим и торговым интересам.

Во-вторых, по мнению Дикова, при таком положении вещей интересы мирного мореплавания — аргумент, выдвигаемый противниками плавучей мины, — становятся только ширмой, за которой скрывается линейный броненосный флот. Именно поэтому предложение о запрете мин сделали англичане. «Очищая путь для мирных мореплавателей, мы в тоже время очищаем путь и для вражеского флота, который стоит за спиной этих мореплавателей и который беспрепятственно придет к нам по той самой воде с наступательными и агрессивными замыслами». Такое положение дел адмирал признавал «совершенно не гуманным по отношению к нашему отечеству».

По его убеждению, «плавучая мина является весьма могучим средством для борьбы с линейным флотом исключительно с оборонительной целью» и может парализовать его действия. В данное время, когда Россия потеряла в минувшей войне большую часть флота, который еще не успела воссоздать, плавучая мина являлась для нее «едва ли не последним надежным средством обороны наших морей... и отказываться от плавучей мины для нас теперь совершенно равносильно тому, если бы, например, Англия отказалась от употребления в морской войне броненосных судов». Он утверждал, что присоединение к конвенции о минах не согласуется с интересами отечества и государственной обороны¹⁴¹. В итоге Нелидову было предписано воздержаться при голосовании проекта о минах¹⁴². Конвенция о запрете постановки подводных мин, автоматически взрывающихся от соприкосновения, из-за противодействия России и Германии не была принята.

В вопросе о запрещении бомбардировки портов, Диков предлагал внести поправку, согласно которой это положение не могло распространяться на столицы, являющиеся стратегическими точками. Угрозу бомбардировки столицы он считал могучим средством принудить противника заключить мир. По окончании обсуждения Бэр доложил о принятом решении: запрещалось бомбардировать незащищенные порты, города и селения, не имеющие военных объектов. Однако такой

¹³⁷ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 133; ф. 151, оп. 482.

¹³⁸ РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2875, л. 114—116.

¹³⁹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 4968, л. 15об.

¹⁴⁰ РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2875, л. 126—129об.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же, л. 130об.

запрет не распространялся на военные укрепления и учреждения, склады оружия и на военные суда, находившиеся в порту. Кроме того, было «предписано щадить исторические памятники, церкви, здания, посвященные науке, искусствам и благотворительности, госпиталям и прочим». Так же был принят предложенный Бэром особый знак для обозначения таких зданий¹⁴³.

В ходе заседаний выявились разногласия и между членами русской делегации. Так, в 4-й комиссии Чарыков выступил с собственным проектом статьи о пребывании кораблей в нейтральных портах во время войны. Мартенс был крайне раздражен самостоятельностью третьего уполномоченного, поскольку он без его ведома обратился к своему французскому коллеге по комиссии с просьбой помочь в составлении текста проекта¹⁴⁴. Свой взгляд был у Чарыкова и по вопросам о неприкосновенности частной собственности на море во время войны, и об определении предметов военной контрабанды, о снабжении топливом кораблей воюющих держав в нейтральных портах¹⁴⁵.

В письмах в МИД Диков отстаивал позиции моряков о призовом суде, о неприкосновенности частной собственности на море, об установке мин и бомбардировке портов¹⁴⁶. Бэр, регулярно докладывавший о ходе прений, после завершения работ 4-й комиссии подготовил подробный рапорт, охарактеризовав позиции держав и отметил по каждому пункту соответствие результатов, достигнутых русскими делегатами, намеченным планам. Он констатировал: «Хотя на сей раз нам и удалось полностью выполнить все пункты нашей инструкции, не подлежит, однако, сомнению, что весьма важные вопросы о контрабанде и блокаде в связи с вопросом о неприкосновенности частной собственности на море в ближайшем будущем вновь будут подвергнуты международному рассмотрению, к которому мы безотлагательно должны начать готовиться»¹⁴⁷.

Позже в морском министерстве составили детальный отчет «Морские вопросы на Второй конференции мира». В нем были отражены как слабые места, так и достигнутые успехи. В документе отмечалась роль Чарыкова, в нем «морские делегаты встретили такую поддержку, которую положительно можно назвать беспримерной... Чарыков постепенно создал вокруг данного вопроса такую обстановку, что под конец конференции взгляды России стали находить все большее и большее число сторонников»¹⁴⁸.

Главное различие взглядов делегатов по вопросу о превращении торговых судов в военные корабли касалось места проведения подобной акции. Многие делегаты, прежде всего русские, высказались за возможность проводить ее в открытом море. Но англичане, японцы, американцы, голландцы и итальянцы оспаривали это положение. При голосовании их мнение не набрало большинства, и вопрос остался нерешенным, что вполне соответствовало инструкции, данной русским делегатам¹⁴⁹. В итоге закреплялись требования, выполнение которых позволяло наделять торговое судно, обращенное в военный корабль, его правами и обязанностями. Это позволяло провести различие между собственно военно-морскими силами и пиратскими или «незаконно военными» судами, на которые распространялся иной правовой режим.

Вопрос о неприкосновенности частной собственности на море также не был решен, несмотря на настояния американцев. Бэр 21 августа (3 сентября) докладывал: при голосовании «за» высказался 21 делегат, «против» — 11, воздержался один и 11 — отсутствовали. Такой результат соответствовал интересам России, однако

¹⁴³ Там же, л. 12—12об., 172.

¹⁴⁴ АВПРИ, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 47—51.

¹⁴⁵ *Tcharykow N. V.* Op. cit., p. 257—259.

¹⁴⁶ РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2874, л. 190—191об.; д. 2875, л. 126—129об.

¹⁴⁷ Там же, д. 2875, л. 197—200.

¹⁴⁸ Там же, л. 155—163об.

¹⁴⁹ Там же, л. 24—25.

Бэр отметил, что эта идея со временем приобретет новых сторонников и в будущем может быть принята конвенция, что «сильно сузит рамки возможных крейсерских операций»¹⁵⁰.

Самым трудным для русских делегатов был вопрос о положении военных кораблей в нейтральных портах. Русско-японская война выявила затруднительное положение русского флота, нуждающегося в стоянке в таких портах. Поэтому делегаты старались добиться установления возможно менее строгого режима, но столкнулись с жесткой оппозицией Англии, Японии и Испании, получая поддержку лишь со стороны Германии. Не были приняты предложения России о льготном сроке для свободного выхода в море кораблей, застигнутых началом военных действий в портах неприятеля или встреченные неприятельскими крейсерами в открытом море. Такой срок даровали только торговым судам, но таковые, позже превращенные в военные корабли, этих льгот лишались. Против этого правила голосовали только представители России и Франции¹⁵¹.

Рассмотрение вопроса о военной контрабанде вызвало горячую полемику, но не принесло практического результата, что оказалось на руку России. Также из-за оппозиции Англии было прекращено и обсуждение вопроса о блокаде. Делегаты не смогли выработать специального регламента для морской войны, ограничившись пожеланием включить вопрос в программу будущей конференции. По вопросу о бомбардировке приняли такое решение: запрещалось бомбардировать незащищенные порты, города и селения, не имеющие военных объектов. Это не касалось военных укреплений и учреждений, складов оружия и судов, находившихся в порту. Предписывалось «щадить исторические памятники, церкви, здания, посвященные науке, искусствам и благотворительности, госпиталям и прочим». Был принят предложенный Бэром особый знак для обозначения таких зданий¹⁵².

Сложной и длительной оказалась работа 1-й комиссии. Основные прения сосредоточились вокруг установления обязательного арбитража с созданием Постоянного третейского суда и учреждения Международного призового суда. По сообщению Нелидова от 9 (22) августа, этого активно добивались французские делегаты для удовлетворения общественного мнения и представители небольших государств, желавших в таком суде решать свои споры с «большими». Камнем преткновения стал список вопросов, могущих подлежать третейскому разбирательству¹⁵³. С огорчением Мартенс отметил в дневнике, что дела идут очень плохо, и «оппозиция против всех благотворных проектов и мыслей возрастает с каждым днем». Категорические возражения Германии против обязательного арбитража, как и на Первой конференции, стопорили дело, а антагонизм между Берлином и Лондоном нарастал¹⁵⁴. Российская делегация стремилась избежать раздела голосов, но рознь между французами и немцами возрастала. Буржуа даже отправился на консультации в Париж и привез компромиссное предложение¹⁵⁵.

До этого комитет под его председательством работал над составленным Германией, Соединенными Штатами и Англией проектом конвенции о высшем международном постоянном суде. Мартенс, далеко не одобравший всего плана, считал, что для престижа конференции «нужно было во что бы то ни стало спасти этот проект». Однако Нелидов, по словам профессора, «с редким усердием его топил»¹⁵⁶. Дипломат, и не он один, справедливо возражал против порядка избрания судей и доказывал, что преобразование Гаагского трибунала не предусмотрено русской программой. В заседании конференции 22 сентября (5 октября) германский делегат

¹⁵⁰ Там же, л. 18–20.

¹⁵¹ Там же, л. 161–161об., 20.

¹⁵² Там же, л. 72.

¹⁵³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 4969, л. 69–70.

¹⁵⁴ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 142.

¹⁵⁵ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4981, л. 48–49.

¹⁵⁶ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 148–149.

А. Маршалль фон Биберштейн выступил с резкой речью об обязательном арбитраже. Попытка Мартенса сгладить впечатление, заявив, что пока нет международного всем доступного суда, нет смысла говорить о таком арбитраже, успеха не возымела¹⁵⁷. В итоге приняли проект Буржуа, сговорчивости и находчивости которого Нелидов отдавал дань. Делегаты постановили предоставить правительствам разрешать спорные вопросы на основании выработанных конференцией проектов, и таким образом ни Постоянный третейский суд, ни обязательный арбитраж не были созданы. По мнению Нелидова, «большого практического значения ни то, ни другое учреждение иметь не будет. Время для них еще не пришло»¹⁵⁸.

Не менее остро вырисовывалась проблема учреждения Международного призового суда. Предложения германских и английских делегатов не представлялись Нелидову приемлемыми для России, тем более что в инструкциях морского ведомства ясно выражалось желание отклонить его учреждение вообще. Но дипломату казалось «совершенно невозможным для нас противопоставить решительный отказ почти единодушным попыткам... держав ввести международный порядок в вопрос о праве захвата торговых судов в военное время». Хотя в обоих проектах имелись недостатки, он полагал, что русской делегации неизбежно придется в том или ином виде согласиться с созданием суда, но следует придать ему «всевозможные обеспечения беспристрастного и невраждебного нам действия»¹⁵⁹.

Мартенс откровенно возмущался враждебной позицией правительства и прежде всего морского министра. Предложению англичан и немцев, по его словам, все аплодируют и «все в один голос твердят, что если конференция устроит такой суд, то она поставит себе вечный памятник». Крайне эмоционально профессор утверждал, что «положение русской делегации на конференции все более ухудшается, благодаря азиатским предписаниям из Петербурга» провалить все это дело¹⁶⁰. Мартенс был не совсем прав, так как противодействие имелось и со стороны других государств, недовольных распределением судейских должностей. Нелидов подчеркивал, что учреждения суда желают главным образом Германия, Англия и Соединенные Штаты с целью получить упрощенную и дешевую юстицию, вместо того чтобы обращаться в более дорогостоящий Гаагский третейский суд¹⁶¹. Вместе с тем Нелидов, как и Мартенс, был обеспокоен изолированностью России и, чтобы ослабить дурное впечатление, предлагал выработать проект упрощенного законодательства по этому вопросу¹⁶².

Свою позицию дипломат упорно отстаивал в депешах Извольскому, открыто выражая несогласие с мнением Дикова, и даже отчасти сумел того убедить. Но уже в августе, когда был выработан согласительный проект, заключавший черты как английского, так и германского предложений, Нелидов был вынужден признать, что принять его Россия не сможет. «В нем содержатся, — писал он, — некоторые постановления, прямо ставящие эту международную инстанцию выше национальной, тогда как по основной мысли Гаагских международных учреждений они должны были служить для облегчения соглашения между интересами различных стран и подданных». Поэтому он был намерен, указав на отсутствие определенного кодекса, составить возражения против проекта, когда его поставят на голосование¹⁶³. Так и произошло, и во время прений за выработку такого устава высказались все делегаты.

Но в итоге при голосовании в августе проект не получил даже простого большинства, а после дополнительного обсуждения в сентябре на четвертом пленарном

¹⁵⁷ Там же, л. 155—156.

¹⁵⁸ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4981, л. 58об.

¹⁵⁹ Там же, д. 4969, л. 20—21.

¹⁶⁰ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 135, 137.

¹⁶¹ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4969, л. 69—70.

¹⁶² Там же, л. 44—45.

¹⁶³ Там же, д. 4968, л. 71—72об.

заседании дело закончилось лишь установлением упрощенного судопроизводства¹⁶⁴. Мартенс радовала сама мысль о создании такого суда, как он считал «независимого и беспристрастного». Но поскольку морское министерство настояло на том, чтобы не принимать международного суда, профессору права пришлось подать голос «против». С сожалением он записал в дневнике: «Нужно исполнять приказание правительства, которому служишь. Но мне очень нелегко было это сделать»¹⁶⁵.

На шестом пленарном заседании конференции проект был принят почти единогласно («против» — Бразилия) с оговорками России, Японии и некоторых других государств. По мнению Нелидова, Англия надеялась на установление конференцией правил блокады, военной контрбанды и частной собственности на море, которыми новый суд мог бы руководствоваться при разборе дел о захвате торговых кораблей. Так как ни один из них не был разрешен, Англия, полагал дипломат, воздержится от ратификации конвенции, но предложит державам специально собраться для выработки соответствующих узаконений по морскому праву¹⁶⁶. Это было на руку России, а предвидение Нелидова оправдалось.

Хотя вопрос об ограничении вооружений не вошел в окончательную русскую программу форума, Лондон не отказался от намерения озвучить такое предложение. Под влиянием яростных нападок печати на бездеятельность английской делегации ее представитель Э. Фрей 12 (25) июля попросил Нелидова немедленно организовать распространение среди делегатов текста пожелания, которое он представит высокому собранию, с тем чтобы они получили указания своих правительств. Таким образом, констатировал Нелидов, вопрос будет поставлен и «неизбежно вызовет столь нежелательные с нашей точки зрения прения»¹⁶⁷.

8 (21) августа Нелидов сообщил, что на четвертом пленарном заседании английский уполномоченный от имени правительства внес это предложение и был поддержан делегатами от США, Франции и Испании. Нелидову удалось заранее уговорить представителей некоторых стран отказаться от «желания воспользоваться случаем для произнесения громких или опасных речей». Фрей предложил участникам конференции высказать пожелание, чтобы государства заявили о готовности в будущем изучить вопрос о сокращении вооружений. «Английское предложение не вызвало никаких прений и было встречено бурными аплодисментами»¹⁶⁸. Закрывая заседание, председатель отметил, что Россия уже поднимала эту проблему на Первой Гаагской конференции мира. Однако, по мнению дипломата, «обсуждение этого вопроса не было зрелым в 1899 г., и оно только мало созрело в 1907 г. Ничего не было сделано на этом пути, конференция столь же мало подготовлена к его решению. Лучше всего отвечает нашему общему желанию видеть этот вопрос направленным на дальнейшее движение вперед»¹⁶⁹.

В итоге обошлось без конфликта, а Мартенс 5 (18) августа записал в дневнике: «Вчера было общее заседание конференции, на котором были похороны английского предложения о разоружении»¹⁷⁰. На это заседание допустили представителей печати, и после него многочисленные пацифисты во главе с известной писательницей баронессой Б. Зутгер и выдающимся публицистом У. Стэдом, в высшей степени недобровольные итогом, выражали свое разочарование в резких нападках на делегатов. По словам Нелидова, «общественное мнение приняло подобный исход этого жгучего вопроса как доказательство явного нежелания или невозможности со стороны правительств обстоятельно им заняться». Тем не менее, полагал он, «общественное сознание ясно понимает, что вопрос о разоружении не разрешим

¹⁶⁴ Там же, л. 127—128; д. 4969, л. 98об.

¹⁶⁵ Там же, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 150.

¹⁶⁶ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4969, л. 119об.

¹⁶⁷ Там же, д. 4965, л. 54об.

¹⁶⁸ РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2875, л. 55.

¹⁶⁹ Вторая конференция мира 1907 года, с. 12.

¹⁷⁰ АВПРИ, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 141.

тем путем, на который он был поставлен». Оно начинает приходить к убеждению, которое дипломат высказывал в частных беседах с представителями различных международных союзов и институтов, что «тягость усиленного размера военных вооружений не есть причина ощущаемой повсеместно натянутости, неуверенности международных сношений, а напротив того — естественное и прямое их последствие»¹⁷¹.

Как результат, Вторая конференция лишь подтвердила постановление, принятое в 1899 г. об ограничении вооружений, подчеркнув желательность его нового серьезного изучения в будущем правительствами всех государств. После длительных дебатов на заключительном акте конференции были приняты 13 конвенций и декларация. Их порядковые номера обозначены римскими цифрами, что в последующем вошло в международно-правовую практику.

1-й комиссией были выработаны:

I. Конвенция о мирном разрешении международных столкновений;

II. Конвенция об ограничении применения силы при взыскании по договорным долговым обязательствам;

XII. Конвенция об учреждении Международной призывной палаты.

2-й комиссией:

III. Конвенция о порядке открытия военных действий;

IV. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны;

V. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц во время сухопутной войны;

XIV. Декларация о запрещении метать снаряды и взрывчатые вещества с воздушных шаров.

3-й комиссией:

VIII. Конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин;

IX. Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны;

X. Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции;

XIII. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случаях морской войны.

4-й комиссией:

VI. Конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий;

VII. Конвенция об обращении торговых судов в суда военные;

XI. Конвенция о некоторых ограничениях при осуществлении права захвата во время морской войны.

В современном международном праве они известны как Гаагские конвенции 1899 г. и 1907 г., признаны большинством стран мира и являются действующими международно-правовыми актами (за исключением Конвенции об учреждении Международного призового суда).

Хотя Конвенция о мирном разрешении международных столкновений не исключала войну из арсенала применимых средств, она до некоторой степени их ограничивала. В Конвенции о порядке открытия военных действий констатировалось, что они «не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое могло быть как мотивированным, так и носить характер ультиматума». В Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны признавались важнейшие принципы: разграничение комбатантов и некомбатантов; право населения на вооруженное сопротивление; подробно регламентировались права военнопленных; фиксировалось требование к командирам принимать все возможные меры к охране памятников старины и культуры. События двух мировых войн по-

¹⁷¹ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 4965, л. 74об.

казали, что эта конвенция не была всеобъемлющей, хотя она ограничивала в ряде случаев произвол сторон. В развитие этой конвенции были приняты Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.; Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. и Четвертая Женевская конвенция 1949 г. (в части международно-правовой защиты гражданского населения и культурных ценностей).

Кроме вышеназванных конвенций форум принял решение о созыве Третьей конференции мира. 2 сентября 1907 г. по предложению Нелидова делегаты единогласно постановили зафиксировать в заключительном акте следующее пожелание: «Конференция рекомендует державам собрание Третьей конференции мира, которая могла бы состояться по истечении времени, примерно совпадающего с тем, которое протекло со времени предшествующей конференции, в срок, подлежащий установлению соглашением между державами, и она обращает их внимание на необходимость подготовить труды этой Третьей конференции заблаговременно, дабы занятия шли с необходимой авторитетностью и быстротой»¹⁷². Ориентировочно назывался 1915 г., однако, как известно, в 1914 г. началась Первая мировая война.

* * *

Для преамбулы Заключительного акта международного форума 1907 г. была выработана компромиссная формулировка, гласившая: «Вторая международная конференция мира, предложенная сначала господином президентом Американских Соединенных Штатов, будучи по приглашению его величества императора всероссийского созвана ее величеством королевой Нидерландской»¹⁷³.

Оценивая результаты форума, Нелидов 29 октября (11 ноября) 1907 г. писал Губастову: «Из всех тринадцати Конвенций и одной Декларации, составивших плод трудов конференции, кроме Заключительного акта, в котором они перечислены, императорская делегация подписала десять конвенций, оставив неподписанными, впредь до разрешения императорского правительства, три конвенции: о постановке мин, о правах захвата в морской войне (где упоминается об освобождении от захвата неприятельской почты) и об установлении Призового суда, а также и возобновленную Декларацию о запрещении метания разрывных снарядов с воздушных шаров... Смотри на все эти решения с точки зрения наших интересов, нельзя не признать, что ...все вожелания наших морских и военных властей получили на Второй Гаагской Конференции полное удовлетворение»¹⁷⁴. Это же отметил и Овчинников: «Вторая конференция была по преимуществу морской», и «главное ее значение заключается в определении законов и обычаев войны вообще и законов и обычаев войны на море в особенности»¹⁷⁵.

Впечатления Мартенса двойственны. Отсутствие тех результатов, на которые он рассчитывал в работе 1-й комиссии, заставляют его в горячах говорить о фиаско, позоре и даже полном провале конференции. Но, подводя итог, он полагал, что, «невзирая на самые неблагоприятные условия, она все-таки сделала очень много». К этим неблагоприятным обстоятельствам опытный чиновник совершенно справедливо причислял позицию Извольского: «министр иностранных дел, который должен был вести все это дело, относился к ней с самым явным недоброжелательством и презрением». Профессор права с грустью признавал: «русских государственных людей в настоящее время совсем нет. Есть холопы и дураки». Вместе с тем Мартенс гордился тем, что создавал по мере сил «лучшие основы для общей жизни народов»¹⁷⁶.

¹⁷² Вторая конференция мира 1907 года, с. 43.

¹⁷³ Там же, с. 303.

¹⁷⁴ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 4968, л. 184об. — 185.

¹⁷⁵ Овчинников И. Указ. соч., с. 110—111.

¹⁷⁶ АВПРИ, ф. 340, оп. 787, д. 9, л. 150, 157, 160, 161.

По мнению Нольде, итоги оказались «не так богаты, чтобы оправдать слишком большой оптимизм относительно результатов мировых гаагских съездов. Приняв постановление о съезде 1915 г. (III конференция мира), конференция 1907 г. заявила, что она верит в формулу “Гаагская конференция мира”»¹⁷⁷. Таубе был еще пессимистичнее, полагая, что результаты Гаагской конференции 1907 г., «раздутые в 14 конвенций, но довольно тощие по существу, не могли не разочаровать восторженного поклонника съезда 1899 г.»¹⁷⁸ Таким образом, оба ученика Мартенса не во всем солидаризировались с его оценкой прошедшего форума.

Пустогаров разницу между конференциями 1899 г. и 1907 г. видит в том, что если первая во многом «поднимала целину» и потому принесла результаты, «поражавшие своей новизной», то вторая была призвана продолжить начатое дело, усовершенствовать и развить принятые международно-правовые акты. Кроме того, на международное положение в 1907 г. значительно сильнее, чем в 1899 г., оказывал влияние антагонизм между двумя блоками — Англия, Франция и Россия, с одной стороны, и Германия и Австро-Венгрия — с другой¹⁷⁹.

Как известно, до XX в. международное право было преимущественно правом войны, и в соответствии с так называемым правом на войну (*jus ad bellum*) любое государство — сторона в конфликте — могло отказаться от мирного его урегулирования и решить спор вооруженным путем. Правовые последствия войны определялись ее фактическим исходом. В международном праве при этом не делалось различий между агрессором и жертвой агрессии — действия как нападающей, так и защищающейся стороны считались в равной степени правомерными. Существовало лишь одно условие: обе стороны не должны нарушать законов и обычаев войны. Значение Гаагских конвенций, формально действующих и по сей день, состоит в том, что они явились первой попыткой ограничить право на войну и первым шагом на пути закрепления в международном праве принципа мирного разрешения межгосударственных споров.

Нотой от 7 марта 1955 г., направленной правительству Нидерландов, СССР признал Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 гг., ратифицированные Россией, в той мере, в какой они не противоречили Уставу ООН, и если они не были изменены или заменены последующими международными соглашениями, участником которых являлся СССР. Российская Федерация, став правопреемницей Советского Союза, приняла на себя обязательство соблюдать подписанные Россией Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.

¹⁷⁷ Нольде Б. Э. Указ. соч., с. 490.

¹⁷⁸ Таубе М. А. Указ. соч., с. 12.

¹⁷⁹ Пустогаров В. В. Указ. соч., с. 257.